

Кристофер Уильям Гортнер
Откровения Екатерины Медичи
Серия «Женские тайны»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6298228
Откровения Екатерины Медичи: Азбука, Азбука-Амтикус; СПб.: 2013
ISBN 978-5-389-07068-4

Аннотация

«Истина же состоит в том, что никто из нас не безгрешен. Всем нам есть в чем покаяться».

Так говорит Екатерина Медичи, последняя законная наследница блистательного рода. Изгнанная из родной Флоренции, Екатерина становится невестой Генриха, сына короля Франции, и борется за достойное положение при дворе, пользуясь как услугами знаменитого ясновидца Нострадамуса, которому она покровительствует, так и собственным пророческим даром.

Однако на сороковом году жизни Екатерина теряет мужа и остается одна с шестью детьми на руках – в стране, раздираемой на части амбициями вероломной знати. Благодаря душевной стойкости, незаурядному уму и таланту находить компромиссы Екатерина берет власть в свои руки, чтобы сохранить трон для сыновей. Она не ведает, что если ей и суждено спасти Францию, ради этого придется пожертвовать идеалами, репутацией... и сокровенной тайной закаленного в боях сердца.

Содержание

* * *	4
Блуа, 1589	6
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Часть 2	26
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	48
Глава 9	58
Глава 10	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

К. У. Гортнер

Откровения Екатерины Медичи

Эрику, который неизменно напоминает мне, что жизнь не имеет предела, и Дженнифер, которой неизменно удастся меня рассмешить.

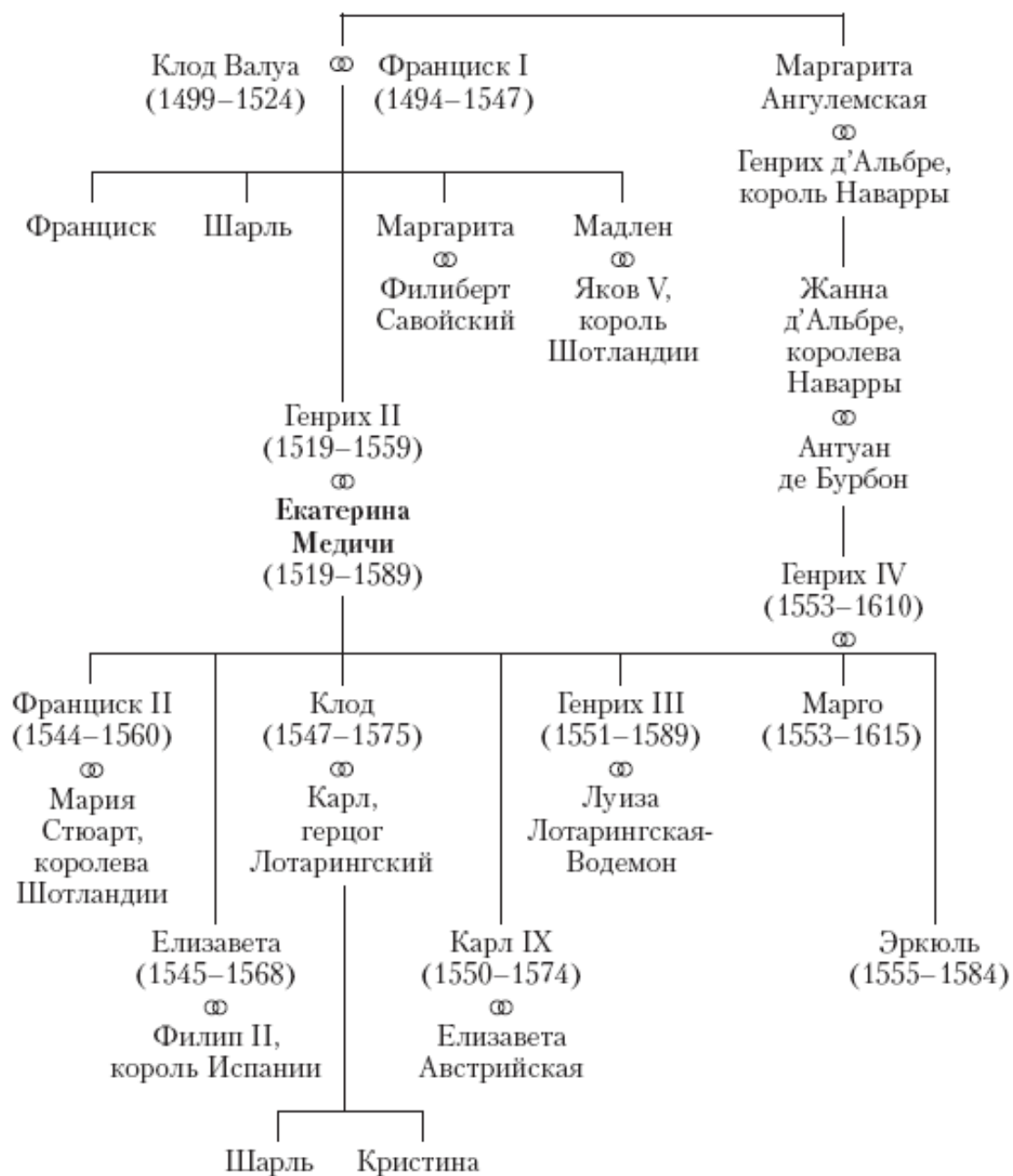
*Чтимый всюду
Кладезь знания!
Чутко, пылко
Ждать я буду
Прорицанья.*

Ф. Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль.
Перевод Н. Любимова

* * *

Династия Валуа:

Блуа, 1589

Я не сентиментальна. Даже в юные годы у меня не было склонности предаваться меланхолии либо раскаянию. Я никогда не оглядывалась назад, почти не задумывалась над течением времени. Иные сказали бы, что мне неведом смысл слова «сожаление». Воистину, если верить моим врагам, мой немигающий взгляд всегда устремлен вперед, в будущее – на очередную войну, которую предстоит выиграть, очередного сына, которого предстоит выисать, очередного врага, которого предстоит одолеть.

Как же плохо они меня знают. Как же плохо вы все меня знаете. Возможно, мне изначально было суждено стать одинокой пленницей мифа, в который превратилась моя жизнь, подтверждать своим существованием легенду, которая разрослась вокруг меня пышным ядовитым цветом.

Истина же состоит в том, что никто из нас не безгрешен.

Всем нам есть в чем покаяться.

Часть 1

1527–1532

Нежный листок

Глава 1

В десятилетнем возрасте я узнала, что, возможно, являюсь ведьмой.

Вдвоем с тетушкой Клариссой мы корпели над вышиванием в галерее, залитой солнцем. Из окна во внутренний двор доносилось журчание фонтана, слышно было, как пронзительно кричат торговцы на Виа Ларга и отрывисто цокают подковы по булыжникам мостовой. И в сотый раз мне подумалось, что больше я ни минуты не смогу усидеть в четырех стенах.

– Екатерина Ромело Медичи, да неужто ты закончила вышивание?

Я подняла глаза. Кларисса Медичи и Строцци, сестра моего покойного отца, строго взирала на меня с высоты своего кресла.

– Здесь так душно! – пожаловалась я и утерла рукавом влажный от пота лоб. – Можно мне выйти прогуляться?

Тетушка выразительно изогнула бровь. Она еще и рта не успела открыть, а я знала, что услышу, – до того часто тетушка вдалбливала в мою голову эту истину:

– Ты герцогиня Урбино, дочь Лоренцо Медичи и его супруги, Мадлен де ла Тур, французки, в чьих жилах текла благородная кровь. Сколько раз я должна повторять: тебе надлежит смирять безрассудные порывы, дабы подготовить себя к великому будущему!

Будущее меня не интересовало ни капельки. Важно было то, что сейчас лето, а меня вынуждают безвылазно сидеть в родовом палаццо и целыми днями лишь учиться да вышивать – до тех пор пока не растаю на солнце!

– Мне скучно! – Я со стуком отложила пяльцы. – Хочу домой!

– Флоренция и есть твой дом. Здесь ты появилась на свет. Я забрала тебя из Рима, потому что ты страдала от лихорадки. Тебе еще повезло, что ты осталась жива и теперь можешь сидеть тут и препираться со мной.

Терпеть не могу, когда тетушка ссылается на мое слабое здоровье!

– Но я больше не больна! – резко возразила я. – В Риме, по крайней мере, папа Климент позволял мне иметь собственных слуг и пони для верховой езды.

Тетушка взирала на меня без тени гнева, хотя обычно сердилась на всякое упоминание о моем дяде – папе римском.

– Возможно, и так, но теперь ты здесь, под моей опекой, и станешь подчиняться моим правилам. Сейчас середина дня. И слышать не хочу о том, чтобы ты выходила из дома в такую жару.

– Я надену шапочку и буду держаться в тени. Ну пожалуйста, тетя Кларисса! Ты могла бы пойти со мной.

– Если ты хорошо потрудилась, мы сможем перед ужином пройтись по лоджии.

Тетушка встала, чтобы подойти ко мне, и я заметила, как она пытается скрыть невольную улыбку. Она была худенькой, с овальным лицом и большими влажно-черными глазами – фамильными глазами Медичи, которые унаследовала и я вкупе с каштановыми кудрями и длинными пальцами.

Кларисса выхватила у меня вышивку. Я захихикала, а она неодобрительно поджала губы.

– Видимо, ты считаешь, что вышить лицо Божьей Матери зеленым – это смешно? Право же, Екатерина, какое святотатство! – Она швырнула мне пальцы. – Исправь немедленно! Вышивание – это искусство, коим ты обязана овладеть, равно как и прочими предметами. Я не допущу, чтобы говорили, будто Екатерина Медичи вышивает не лучше селянки!

Я сочла благоразумным сдержатъ смех и принялась выпарывать неблагочестивые зеленые нитки. Тетушка вернулась в кресло. Взгляд ее был отрешенно устремлен вдаль, и я гадала, какие новые испытания измышляет она для меня. Я любила тетушку, однако на уме у нее вечно было одно и то же: как умалилась влиятельность рода Медичи после смерти моего прадеда Лоренцо Великолепного; как Флоренция некогда была средоточием искусств, прославленным благодаря нашему покровительству, а теперь мы, Медичи, – не более чем почетные гости в городе, который помогли возвести. На меня, вещала тетушка, возложена обязанность возродить былую славу нашей семьи, ибо я – последняя законная наследница Лоренцо Великолепного по прямой линии.

Не знаю, каким образом тетушка полагала меня способной достичь столь высокой цели. Я осиротела вскоре после рождения, не имела ни сестер, ни братьев и всецело зависела от милости своего дяди, папы римского.

– Климент Седьмой – незаконнорожденный! – резко отвечала тетушка, если мне случилось упомянуть о нем. – Он проложил себе путь к Святому престолу взятками, к вящему нашему стыду. Он – не настоящий Медичи. У него нет чести.

И уж если папа римский не мог возродить славного имени нашего рода, как с этим делом могла справиться я? Но все же тетушка не сомневалась в моем блестящем будущем. Каждый месяц я по ее приказу облачалась в ужасно неудобные герцогские одежды и позировала для нового портрета, а с него затем делались миниатюрные копии, рассылавшиеся разным иноземным принцам, которые желали бы сочетаться со мной браком. Для брачного ложа я пока еще была слишком юна, однако тетушка ясно давала понять, что уже выбрала собор для венчания, решила, сколько именно дам возьмет в подружки невесты, а также...

Желудок вдруг свело судорогой. Я схватилась за живот, который пронзила резкая боль. В глазах поплыло, будто палаццо погрузился под воду. Во рту появился кислый привкус рвоты. Кое-как, ощупью я поднялась на ноги; с грохотом опрокинулось кресло. На меня обрушилась ужасающая тьма. Рот мой открылся в беззвучном крике, а тьма начала расплываться, словно гигантское чернильное пятно, поглощая все вокруг. Исчезла галерея, где я только что спорила с тетушкой; я стояла в некоем пустынном месте, всецело во власти неведомой силы, которая неодолимо вздымалась из самых недр моего существа...

...Я стою, невидимая, среди совершенно незнакомых людей. Они плачут. Я вижу, как по их лицам текут слезы, но причитаний не слышу. Передо мной кровать, задернутая пологом и задрапированная черным. Я мгновенно осознаю, что на ней лежит нечто ужасное, такое, чего мне не следует видеть. Пытаюсь отступить, однако ноги сами несут меня к этой кровати, медленно и неуклонно, как бывает в кошмарном сне. Та же неведомая сила принуждает меня протянуть распухшую, покрытую пятнами руку, которую я никак не могу признать своей собственной, раздвинуть полог – и открыть...

– Боже мой, нет! – вырвался у меня душераздирающий крик.

Меня обхватили руки тетушки, ее ладонь лихорадочно гладила мой лоб. Я лежала на полу, живот терзала непереносимая боль, а рядом валялись комки перепутанных ниток и пальцы с вышиванием.

– Екатерина, дитя мое... – шептала тетушка. – Ох, только бы опять не лихорадка...

Странное ощущение, будто я выскользнула из собственного тела, начало понемногу блекнуть, и я усилием воли вынудила себя сесть.

– Не думаю, что это лихорадка, – проговорила я. – Мне привиделся человек, лежавший мертвым на кровати. Это было как взаправду, тетя, и мне... стало так страшно!

– Видение... – прошептала тетушка, неотрывно глядя на меня, словно произошло то, чего она давно страшилась.

Затем она слабо улыбнулась и протянула мне руку, помогая встать.

– Пойдем, дорогая, на сегодня достаточно. Давай-ка и в самом деле прогуляемся. Завтра мы посетим Маэстро, он наверняка знает, что делать.

Глава 2

Камеристка разбудила меня незадолго до рассвета. Завтрак состоял из хлеба и сыра, с которыми я расправилась вмиг, а потом она облачила меня в простое платье, подвязала лентой мои густые каштановые кудри, набросила на плечи плащ с капюшоном и почти вытолкала во внутренний двор. Там ждали тетушка Кларисса и рослый слуга, обычно сопровождавший ее, когда она отправлялась по делам.

Я была в восторге, что наконец-то выберусь в город, однако полагала, что нас повезут в закрытом паланкине. Не тут-то было: тетушка подняла капюшон, крепко взяла меня за руку и увлекла к воротам, которые выходили на Виа Ларга. Лакей следовал за нами.

– Почему мы идем пешком? – спросила я, хотя в глубине души считала, что таким образом глазеть по сторонам будет гораздо занятнее, нежели из-за занавесок в паланкине.

– Я не хочу, чтобы нас узнали. Мы – Медичи, и встреча с нами неизбежно вызовет толки. Незачем всей Флоренции знать, что госпожа Строцци водила племянницу к ясно-видцу. – Пальцы ее крепче стиснули мою руку. – Понимаешь? Пускай Руджиери прославился своим даром, однако же он всего лишь крещеный еврей.

Я неуверенно кивнула. Тетушка довольно часто обращалась к Маэстро, дабы он изготовил какое-нибудь зелье; он даже помог излечить меня от лихорадки, но лишь сейчас меня осенило, что я так ни разу и не видела его самого. Неужели его визитам мешало то, что Маэстро – еврей?

Мы двинулись по Виа Ларга. С тех пор как я три года назад приехала во Флоренцию, мне довелось покидать палаццо ровно четыре раза, и посещала я только Дуомо¹. В те дни меня окружала и ограждала от мира многочисленная свита, будто прикосновение к толпе могло повредить моему здоровью. Сейчас, когда тетушка вела меня в город, я чувствовала себя узницей, освобожденной после долгого заточения.

Восходящее солнце заливало город шафрановым и розовым светом. В жилых кварталах, окружавших палаццо, и по сию пору стоял тяжелый дух ночных кутежей. Мы пробирались по узким закоулкам, старательно обходя лужи помоев. Мне отчаянно хотелось задержаться хоть на минутку, полюбоваться на статуи, мелькавшие в нишах по обе стороны улочек, поглазеть на чеканные барельефы на воротах баптистерия и облицованный фасад Дуомо, но тетушка неумолимо влекла меня вперед, обходя людную рыночную площадь по глухим проулкам, где чахлые домишки кренились друг к другу, словно престарелые деревья, заслоняя утренний свет.

Я заметила, что тетушкин лакей как бы невзначай положил руку на рукоять кинжала в ножнах у пояса. Здесь было гораздо темнее, воздух был пропитан густой вонью испражнений. Держась поближе к тетушке, я косилась на тощих ребятишек, которые носились по закоулкам вперегонки с собаками, худыми, как скелеты. Сгорбленные старухи в потрепанных шaliaх, кое-где сидевшие в дверях лачуг, провожали нас внимательными взглядами. Сделав несколько головокружительных поворотов, мы в конце концов оказались перед дощатым домом, таким ветхим, что казалось, он вот-вот рухнет. Здесь тетушка остановилась, и лакей требовательно постучал в покосившуюся дверь.

Дверь распахнулась, и на пороге показался стройный мальчик с растрепанными волосами и сонными карими глазами.

– Герцогиня, я Карло Руджиери. – Увидев нас, он отвесил низкий поклон. – Отец ожидает вас.

¹ Имеется в виду кафедральный собор Санта-Мария дель Фьоре, который флорентийцы называют просто Дуомо, что значит «собор». – *Здесь и далее примечания переводчика.*

– Ступай. – Тетушка сунула мне в руку полотняный мешочек, и я озадаченно взглянула на нее. – Ты должна повидаться с Маэстро с глазу на глаз. Когда он закончит, заплатишь ему.

Я заколебалась, и тетушка подтолкнула меня:

– Ну же, не мешкай. Времени у нас немного.

Карло, по всей вероятности, был старшим из сыновей Маэстро; из-за его спины застенчиво глазел на меня мальчик поменьше. Заметив его, я неуверенно улыбнулась, и малыш тотчас приблизился и ухватился пухлой ручонкой за мои юбки.

– Это Козимо, мой младший брат, – пояснил Карло. – Ему четыре года, и он любит сладости.

– Я тоже люблю сладости, – сказала я, обращаясь к Козимо, – только сегодня у меня нет с собой ничего такого.

Мой голос явно понравился малышу; он вцепился в мою руку, и Карло повел нас в сумеречную глубь дома, наполненную странным острым ароматом. На стопке заплесневелых пергаментов лежал пожелтевший череп; мельком глянув на него, я вслед за Карло начала подниматься по скрипучей лестнице. Пряная смесь ароматов становилась все сильнее; я различила запахи камфары, некоторых трав и паслена, что невольно напомнило мне осень – время, когда режут свиней.

– Папа, пришла госпожа Медичи! – крикнул Карло и распахнул передо мной дверь в тот самый миг, когда я поднялась на лестничную площадку. – Он хочет говорить с тобой наедине, – сказал он и добавил, обращаясь к брату: – А теперь, Козимо, отпусти ее.

Надувшись, малыш выпустил мою руку. Я расправила плечи и вошла в кабинет Маэстро.

Здесь было очень светло – это первое, что я заметила. Столбы света падали сквозь решетку в высоком неоштукатуренном потолке, озаряя комнату, которая оказалась немногим больше моей спальни в палатце. Вдоль стен выстроились шкафы, битком набитые книгами и стеклянными банками, в которых плавало нечто бесформенное. В углу, возле крытого бронзой стола, высилась гора подушек. Изрядную часть помещения занимала большая мраморная плита на козлах. Я опешила, увидав, что на плите лежит полуприкрытое простыней человеческое тело.

Из-под ткани торчали голые пятки. Я остановилась.

– А, вот и ты, дитя мое! – раздался голос, исходивший, казалось, из ниоткуда.

Затем послышались шаркающие шаги, и взору моему явился сам Маэстро. Лицо его – худое, со впалыми щеками – обрамляла серебристая борода, поверх черной хламиды был повязан покрытый пятнами фартук.

– Не желаешь глянуть? – Он указал на мраморную плиту.

Я подошла. Чтобы посмотреть на поверхность плиты, мне пришлось встать на цыпочки. Мертвое тело принадлежало женщине. Голова ее была обрита, торс разрезан от шеи до самого таза. Не было ни крови, ни дурного запаха – только аромат трав. Я ожидала, мне станет страшно или противно, однако обнаружила, что меня завораживает зрелище опавших синеватых легких и сердца, сморщенным комочком покоившегося в чаше рассеченных ребер.

– Что ты делаешь? – спросила я шепотом, как будто покойница могла нас услышать.

– Ищу ее душу. – Маэстро вздохнул.

– Разве душу можно увидеть? – Я в изумлении нахмурилась.

– А разве верить можно только в то, что видишь? – Морщинистое лицо Маэстро озадачило улыбка, он взял меня за руку и повел в дальний угол, к груди подушек. – А теперь сядь и расскажи, зачем пришла.

Я не была вполне уверена, что именно должна рассказывать, однако доброта во взгляде Маэстро побудила меня поведать все как есть.

– Я... я кое-что видела. Вчера вечером. И очень испугалась.

– Это был сон?

– Нет, я не спала. – Я помедлила, обдумывая случившееся. – Хотя это было похоже на сон.

– Расскажи, что видела.

И вновь во время рассказа меня охватило испытанное тогда ужасное ощущение беспомощности, так что даже голос задрожал. Когда я смолкла, Маэстро скрестил руки на груди.

– Лежавший на кровати был тебе знаком? – Я помотала головой, и он улыбнулся. – Понимаю. Вот почему ты испугалась. Ты ожидала увидеть любимого человека, а увидела незнакомца. Он был молод, не так ли? И умер насильственной смертью?

– Откуда ты знаешь? – По спине у меня пробежал холодок.

– Я читаю это в тебе. О дитя мое, не стоит бояться. Конечно, если ты понимаешь: лишь немногие способны принять то, что ты мне сейчас рассказала. – Маэстро придвинулся ближе. – То, что тебе довелось испытать вчера, называется предвидением. Оно может предсказывать будущее или же оказаться отзвуком прошлого. Древние верили, что предвидение – дар богов, и почитали тех, кто им владел. Однако же в наши мрачные дни зачастую считают, что способностью предвидеть обладают только ведьмы.

– Тетушка сказала, что это было видение. – Я ошеломленно воззрилась на него. – Значит, вот почему я здесь? На мне лежит проклятие?

– Я встречался со многими тайнами, однако до сих пор не обнаружил ни единого доказательства существования проклятий. – Маэстро звонко рассмеялся и пощекотал меня узловатым пальцем под подбородком. – Полагаешь, ты – дитя зла?

– Вовсе нет. Я каждый день хожу к мессе и почитаю святых. Правда, иногда у меня бывают дурные мысли.

– Как и у всех людей. Уверяю тебя, это вовсе не проклятие. Я составил твой гороскоп, когда ты была еще грудным младенцем, и не обнаружил там ни единого следа зла.

Маэстро составлял мой гороскоп? Тетушка об этом не упоминала ни единым словом.

– Почему у меня случилось это... видение?

– Ответ знает один лишь Господь, но вполне вероятно, что такое повторится. У одних подобные видения случаются часто, к другим они приходят лишь в годину бедствий. В крови вашего рода этот дар имеется. Говорили, будто Великолепный, твой прадед, способен был прозревать будущее.

– А если я не хочу этого дара? – Все это мне ни капельки не понравилось. – Он пропадет?

– Отречься от провидческого дара невозможно. – Маэстро выразительно вскинул брови. – Знала бы ты, сколь многие пожертвовали бы бессмертной душой, дабы заполучить то, от чего ты с такой легкостью отказываешься!

– А у тебя есть этот дар? – Я была на седьмом небе оттого, что невольно оказалась обладательницей столь ценимого свойства.

– Кабы у меня был этот дар, зачем бы мне понадобилось все это? – Маэстро вздохнул и, подняв глаза, обвел взглядом комнату. – Нет, герцогиня. Я всего лишь владею искусством читать расположение звезд на небе и истолковывать сокрытые в нем судьбы людей. Однако же небеса не всегда говорят с нами напрямую. «Quod de futuris non est determinata omnino veritas», а это значит, что в будущем нет непреложных истин.

– Если тебе нужен мой дар, можешь забрать его себе, – сказала я, подумав.

– Дитя мое, даже если б ты была в силах отдать мне свой дар, я, скорее всего, не сумел бы овладеть им за то недолгое время, что мне осталось. – Маэстро засмеялся и похлопал меня по руке, потом добавил: – Ты, однако, можешь им овладеть. Я прожил долгую жизнь и много страдал. – Он понизил голос. – При твоём появлении на свет я прочел по звездам, что

ты будешь жить еще дольше, а стало быть, тоже будешь страдать. Тебе, однако, не доведется испытать того, что выпало на мою долю. Ты не узнаешь, как мучительно посвятить всю свою жизнь поискам того, что неуклонно от тебя ускользает. Ты исполнишь свою судьбу. Хотя возможно, Екатерина Медичи, это будет совсем не та судьба, которой ты желаешь.

Маэстро протянул руку и ласково погладил меня по щеке. Я обвила руками его костлявые плечи. На долю секунды он показался мне таким же ребенком, как я сама. Затем он отстранился.

– Герцогиня, своей любовью ты оказываешь мне честь. Взамен я хочу подарить тебе вот это.

Он сунул руку в карман, раскрыл мою ладонь и положил в нее какую-то склянку. К пробке была прикреплена тончайшая серебряная цепочка – змейка с янтарным отливом, удобно улегшаяся в ладонь.

– Содержимое этой склянки обладает весьма сильным действием. Используй ее, только когда у тебя не будет иного выхода. Если ты прибегнешь к этому средству в неподходящее время и неподходящим образом, последствия могут оказаться губительны для тебя и для других.

– Что это? – Не верилось, будто в таком крохотном сосуде может содержаться нечто воистину могущественное.

– Одни называли бы это вещество избавлением, другие сказали бы, что это яд.

– Но с какой стати мне может понадобиться яд? – Его слова ошеломили меня.

– Будем надеяться, он тебе не понадобится никогда. Тем не менее возьми. – Маэстро помолчал, склонив голову к плечу. – А теперь спрячь эту склянку и храни ее как зеницу ока. Твоя тетя уже изнывает от нетерпения. Тебе пора идти.

Меня учили, что отказываться от подарков невежливо, поэтому я надела цепочку на шею и укрыла склянку под сорочкой.

– Надеюсь, мы сумеем вскорости вновь навестить тебя. – Тут я вспомнила о мешочке, который дала мне тетушка, и достала его из кармана плаща. – Это тебе.

– Ступай с Богом. – Маэстро взял его у меня с таким видом, словно это была сущая безделица. – Еще одно, – внезапно добавил он, когда я уже направлялась к двери.

Я остановилась, оглянулась через плечо на темный угол, в котором стоял Маэстро.

– Скажи госпоже Строцци, – нараспев произнес он, – пускай будет готова позаботиться о твоей безопасности. Передай, что Рим падет.

Я кивнула и вышла в коридор, где меня поджидал Карло. Оглянувшись в последний раз, я увидела, что освещение в комнате переменялось: теперь Маэстро сидел в темноте, однако я отчего-то знала, что он улыбается. Карло проводил меня к выходу, и я начала прощаться.

– Не уходи! – Козимо залился слезами и бросился было ко мне, и Карло пришлось его оттащить.

– Но ведь мне нужно домой. – Я ласково улыбнулась Козимо. – Я скоро вернусь, обещаю.

– Ты не вернешься! – возразил он, и слезы катились по его чумазым щекам. – Все умрут!

– Умрут? – Я вопросительно глянула на Карло. – О чем это он?

– Он вечно болтает что-то странное. – Старший брат выразительно закатил глаза. – Козимо, прекрати. Ты пугаешь гостью.

Козимо воззрился на меня с неподдельным отчаянием. Ощувив вдруг странную пустоту внутри, я наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Мы скоро увидимся. – Я даже вынудила себя улыбнуться. – Будь хорошим мальчиком и слушайся брата.

Тетушка ждала меня в том самом месте, где я ее оставила.

– Маэстро дал ответ на твои вопросы? – спросила она, когда к нам вернулся слуга, несший стражу перед домом.

– Полагаю, да. – Тут мне вспомнилось предостережение Маэстро: «Лишь немногие способны принять то, что ты мне сейчас рассказала». – Он сказал, что я слишком много занимаюсь и у меня был обморок.

Не знаю, откуда взялись в моей голове эти слова, однако они явно возымели нужное действие, потому что лицо тетушки, осененное капюшоном плаща, просияло от безмерного облегчения.

– Ну и хорошо. – Она кивнула, взяла меня за руку, но на мгновение замешкалась. – Он говорил еще что-нибудь?

Я добросовестно повторила загадочные слова, которые Маэстро сказал мне на прощание, и спросила:

– Ты знаешь, что он имел в виду?

– Подозреваю, в половине случаев он и сам толком не знает, что имеет в виду. – Тетушка пожала плечами.

Не прибавив больше ни слова, она крепко сжала мою руку, и мы двинулись обратно в палаццо.

Мы шли, и рука моя то и дело касалась корсажа, под которым возле самого сердца пряталась крохотная склянка.

Глава 3

– Екатерина, дитя мое! Проснись!

Я открыла глаза: надо мной склонилась камеристка со свечой в руке. От зыбкого пламени по стенам плясали огромные тени.

– Госпожа Строщи ждет тебя в зале. Одевайся скорее.

Я кивнула и выскользнула из постели. Камеристка проворно сняла с меня ночную сорочку и натянула платье. Покуда она торопливо заплетала мои волосы, я гадала, что же понадобилось от меня тетушке. В палатку сгущалась атмосфера тревоги, особенно после того, как я пересказала тетушке слова Маэстро о скором падении Рима. Я и сама начала меняться. Открыв в себе загадочный дар, я стала все подвергать тайному сомнению. В то время я этого еще не осознавала, но теперь понимаю, что попросту перестала быть доверчивым ребенком. Я пыталась, в надежде увидеть свое будущее, пробудить этот дар, однако не дождалась ничего и потому понятия не имела, как изменится моя жизнь уже вот-вот.

Камеристка металась по спальне, заталкивая в полотняный мешок мои гребни с серебряными ручками, шали, туфли.

– Мы куда-то уезжаем?

– Госпожа велела собрать твои вещи. – Она покачала головой. – Больше я ничего не знаю. Лакей ждет за дверью.

– Тогда не забудь прихватить и мою шкатулку. – Я указала на сундук.

Шкатулка из слоновой кости и серебра была единственным, что осталось мне на память о матери. Эту безделушку мать привезла из Франции как часть приданого, и красный бархат, которым была изнутри выстлана шкатулка, до сих пор хранил едва уловимый аромат ее лавандовых духов. В потайном отделении я спрятала склянку на серебряной цепочке, которую подарил мне Руджиери.

В палатку было темно и тихо, лишь шуршали по мраморному полу мои мягкие домашние туфли да топотали башмаки лакея, который вел меня в зал. Там ожидала тетушка, окруженная грудой сундуков и саквояжей. С высоких стен были сняты все гобелены и картины, позолоченная мебель сдвинута в углы.

Сердце мое забилось быстрее. Тетушка заключила меня в объятия, прижала к себе с такой силой, что корсаж впился в ребра.

– Мужайся, моя дорогая! – прошептала она. – Будь тверда. Пришло время показать миру, что ты – истинная Медичи по крови и по праву.

Я окаменела. Что стряслось? Почему тетушка так обращается ко мне?

– Возможно, ты не поймешь, – продолжала она дрожащим голосом, сглатывая слезы, – но у меня просто нет другого выхода. Так *они* приказали. Синьория Флоренции изгнала нас.

Я знала, что Флоренцией правит синьория и что ее членов избирают граждане города. В отличие от других городов-государств Италии, Флоренция была республикой и чрезвычайно гордилась этим. К нам синьория всегда относилась благосклонно, ее члены нередко обедали в палатку с тетушкой и ее супругом – толпа пожилых господ, которые слишком много ели, пили много вина и неустанно твердили мне, какая я хорошенькая.

– Какой позор! – жарко продолжала тетушка, словно позабыв о моем присутствии. – Нас, Медичи, гонят из родного города посреди ночи, словно мелких воришек! Я всегда говорила, что Климент нас погубит. Он сам навлек на себя это злосчастье. Мне нет дела до того, что станет с ним, но ты, дитя мое, моя Екатерина... Ты не должна расплачиваться за его преступления!

– Преступления? – повторила я. – Но что же такое натворил папа Климент?

– Нет! Не смей так его называть! Всяк его ненавидит, потому что он готов на все, только бы спасти свою шкуру. Понимаешь? Он бежал, бросив Святой престол в тот самый миг, когда войско Карла Пятого разоряло Рим. Пусть никому даже в голову не придет, что тебя волнует участь этого труса, который смеет именовать себя папой римским!

Я ошеломленно воззрилась на тетушку. С ума она сошла, что ли? Карл V, из рода Габсбургов, был императором Германии, Австрии, Испании и Нидерландов. Он провозглашал себя защитником веры, хотя я помнила, как мой дядя однажды обронил, что Карл в то же время скуп и безжалостен, охоч до завоеваний и вечно ссорится либо с хитроумными французами, либо с еретиками-англичанами. И все же Карл носил корону Священной империи, осененную благоволением папы римского... И мне никак не верилось, что он осмелился вторгнуться в Рим.

– Клименту следовало бы внять требованиям императора и снабдить его деньгами для жалования имперским войскам, – продолжала тетушка срывающимся голосом. – Вместо этого он предпочел лелеять свою нелепую гордыню и поддерживать французов, хотя солдаты уже барабанила в дверь его дома! – Она яростно взмахнула кулаками. – И вот теперь священный город в огне, а Флоренция восстала против нас, Медичи! Он погубил всех нас!

Тетушка повернулась ко мне. Ее внезапное молчание испугало меня даже больше, чем все услышанное до сих пор.

– Ты меня предупреждала, – прошептала тетушка. – Маэстро предрек все эти события, он говорил, что Рим падет, но я, как и злосчастный Климент, оказалась слишком упряма, дабы внять ему!

Мне отчаянно хотелось опрометью взбежать по лестнице и запереться в своих покоях, но неотступный взгляд тетушки словно пригвоздил меня к месту.

– Синьория обещала, что тебе не причинят вреда... Но, Екатерина, ты должна их слушаться. Ты должна делать все, что они велют.

Волна черного ледяного страха накрыла меня с головой. Я не заметила, как тетущкин лакей бесшумно приблизился ко мне сзади, покуда его огромная ладонь не легла на мое плечо. Внезапно я поняла: происходит нечто невыносимое. Тетушка присутствовала при моем появлении на свет, стояла у смертного одра моих отца и матери. Она отправила меня в Рим, поскольку у нее не было другого выхода, но все же вернулась за мной, чтобы забрать во Флоренцию и вырастить. Какое бы негодование ни вызывала у меня ее строгость, я никогда ни на йоту не сомневалась в ее любви. Она просто не могла так поступить. Не могла от меня отречься.

С губ моих сорвался пронзительный крик, но лакей тотчас зажал мне рот и без труда оторвал от пола. В ноздри ударил запах загорелой мужской кожи. Вспышка гнева придала мне сил: я попыталась укунить его, неистово лягалась и извивалась, хотя руки его стискивали меня, словно железный обруч.

– Дитя мое, не нужно! – со слезами умоляла тетушка. – Это только ради твоего блага! Мы должны уберечь тебя!

Но отчаяние в ее голосе лишь побудило меня сопротивляться изо всей силы: я лягнула лакея в бок, а он забросил меня на плечо и целеустремленно направился к выходу. К горлу подкатила тошнота. Я безнадежно молотила кулаками по твердой, точно камень, спине лакея, который как ни в чем не бывало вышел в темный внутренний двор с чудным фонтаном посредине, украшенным вычурной бронзовой статуей Давида в нелепой шляпе. А потом уверенно двинулся дальше, к парадным воротам дворца.

Едва мы оказались на улице, я услышала вой – точно булыжная мостовая разверзлась, выпустив на волю демонов ада. Из тени у самых ворот к нам шагнул человек в плаще с капюшоном.

– Отдай ее мне, – промолвил он.

Я завизжала и начала отбиваться, однако лакей вручил меня незнакомцу. От того пахло сажей и мускусом; когда он усадил меня на гнедого коня, я заглянула в его темные глаза. Незнакомец оказался молод и хорош собой.

– Герцогиня, – прошептал он, – я Альдобринди, секретарь синьории. Веди себя тихо, иначе погубишь нас обоих.

Я услышала, как распахнулись ворота, и представила демонов, которые с вилами в руках поджидают нас снаружи. Альдобринди взобрался в седло позади меня и набросил мне на голову темную и тяжелую полу плаща, чтобы укрыть от чужих глаз.

Потом мой спутник направил коня на улицу. Мне не была видна толпа, заполнявшая Виа Ларга, зато хорошо слышен слитный оглушительный рев:

– Смерть Медичи! Смерть тиранам!

Свистнула плеть, конь возбужденно заплесал.

– С дороги, чернь! – прорычал Альдобринди. – Я – секретарь синьории!

На миг воцарилась пугающая тишина. Я теснее прижалась к Альдобринди, стремясь сделаться как можно меньше и незаметней; казалось, если меня обнаружат, то выдернут из седла и разорвут в клочья.

Мы снова двинулись вперед. Конь ступал будто украдкой, пробираясь по городу; пропитанный дымом воздух дрожал от неистовых выкриков. Через прореху в плаще я видела, как тут и там над головами бегущих мелькают маслянистые язычки факелов; крик стоял оглушительный. Я старалась сохранить спокойствие, однако чем дальше мы продвигались, тем мне становилось страшнее. Я не имела ни малейшего представления, куда везет меня Альдобринди и что там меня ждет.

К тому времени, когда конь остановился перед высокими воротами в массивной кирпичной стене, я уже почти теряла сознание от изнеможения. Альдобринди снял меня с седла. Не чуя под собой ног, я вместе с ним вошла в ворота и очутилась в безлюдном внутреннем дворе. Единственный факел озарял жутковатым светом каменные, грубо вытесанные колонны и полуразрушенный колодец посередине.

– Добро пожаловать в монастырь Святой Люции. – К нам подошла фигура в черной рясе.

Я невольно вскрикнула и с ужасом взглянула на Альдобринди. То была обитель сестер Савонаролы, рьяных сторонниц этого безумного пророка, который проповедовал против Медичи и был моим прадедом сожжен на костре. Монастырь Святой Люции был самым нищим среди всех обителей Флоренции, и то, что он по сию пору кичился голыми стенами, наглядно свидетельствовало о том, как упорно монашки ненавидят наш род: они скорее умерли бы, чем воспользовались щедротами Медичи. Тетушка не могла знать, что меня повежут именно сюда, иначе ни за что не дала бы согласия на это.

– Не оставляй меня здесь! – прошептала я, и голос мой сорвался.

Альдобринди, однако, отвесил мне поклон и удалился, а монашка схватила меня за плечо.

– Все кончено! – прошипела она. – Твой дядя, папа римский, трусливо укрылся в своей крепости в Орвието, а волки императора между тем вольно рыщут по Риму. Вот что сотворила гордыня вашей семейки – навлекла на наши головы гнев Божий! Ну да на сей раз от расплаты не уйти! Здесь, в этих стенах, ты искупишь все грехи Медичи.

Я посмотрела в ее бесцветное, искаженное злобой лицо, в поблекшие глаза, не ведающие милосердия, и поняла, что видит она сейчас вовсе не меня. Из-за жгучих слез я почти ничего не различала, а монашка поволокла меня мимо призрачной череды фигур в черных рясах, недвижно взиравших на нас с галереи. Протащив по пыльному коридору, она втокнула меня в глухую, без окон келью, где уже поджидала другая монашка.

Дверь с грохотом захлопнулась. С бесчувственной сноровкой монашка сорвала с меня одежду, и я осталась стоять перед ней, нагая и дрожащая. Затем она вынула что-то из кармана рясы, и я сжалась, разглядев блеск ножниц.

– Станешь сопротивляться, будет только хуже, – предостерегла она, а потом ухватила мою косу и отрезала одним движением.

Каштановая коса вместе с вплетенной в нее розовой лентой упала к моим ногам. Слезы хлынули у меня из глаз, рыдания стиснули горло. Я прикусила губу, не желая выдавать своих чувств, дрожа всем телом, словно стояла босая в снегу, а монашка между тем состригала мои волосы до корней.

Закончив, она набросила на мое продрогшее, покрытое пупырышками тело грубую шерстяную рясу и сунула мне в руки потертую метлу.

– Прибери за собой! – велела она.

Пока я неловко сметала в груды роскошные каштановые завитки, она пристально наблюдала за мной. Управившись с этим делом, я посмотрела ей в глаза: взгляд ее был холоден и безжизнен, словно поле зимой.

Не сказав больше ни слова, монашка вышла и заперла дверь. Я осталась в полной темноте, где пахло плесенью, в стенах шуршали крысы, а жалкие клочья беспощадно остриженных волос щекотали мне ноги.

Той ночью я плакала, пока не заснула.

Каждый день, неделю за неделей меня водили в стылую монастырскую часовню и заставляли часами выстаивать коленапреклоненной на каменном полу, покуда колени не начинали кровоточить. Я принуждена была соблюдать до мелочей суровый распорядок обители; мне не позволялось разговаривать, и только раз в день я получала водянистое варево, после чего следовала нескончаемая молитва под гулкий, размеренный звон колокола. Меня ни на минуту не оставляли одну, разве только по ночам, когда я сидела в келье и прислушивалась к отдаленному грохоту пушек. Я не знала, что творится за стенами монастыря, однако с улиц то и дело доносились отзвуки причитаний, а пепел, падавший с дымного неба, засыпал весь скудный монастырский огород.

Как-то ночью неведомая сестра ядовито прошептала в замочную скважину моей двери:

– Французы принесли чуму! Твой дядя, чтобы поставить Флоренцию на колени, нанял зараженных чумой иноземцев, да только ему все равно не победить! Мы все умрем, но не позволим Медичи снова править нашим городом!

Монашки удвоили число ежедневных молитв, однако их старания оказались тщетными: четыре престарелые сестры заболели и испустили дух, захлебнувшись собственной рвотой и покрывшись гнойными язвами. Потеряв всякое подобие гордости, я со слезами умоляла монашек отпустить меня, выгнать, если иначе нельзя, за ворота, словно бездомную собаку. Сестры, однако, лишь молча смотрели на меня – так, словно я была неким животным, предназначенным на заклание.

Я знала, что скоро умру. Очень долго, казалось, целую вечность готовилась я к смерти. Не важно, каким образом это произойдет, твердила я себе, но необходимо сохранять мужество. И никогда, никому не показывать своего страха, потому что я – Медичи.

После долгих девяти месяцев осады, когда великолепные укрепления города превратились в груды камня, а горожане начали умирать с голоду, у синьории не осталось иного выхода, кроме как сдаться. В город вошла армия, состоявшая на жалованье у моего дяди.

Монашки запаниковали. Они переселили меня в просторную комнату, принесли сыру и сушеного мяса из погреба, где хранились их лучшие припасы. И все твердили, что только исполняли указания синьории, а сами, дескать, никогда не желали мне зла. Я смотрела на них отрешенно. Волосы мои кишели вшами, десны кровоточили, я исхудала как тростинка. Ожидание смерти настолько измучило меня, что даже не осталось сил их ненавидеть.

Через несколько дней в обитель прибыл Альдобринди. К тому времени я уже достаточно отъелась, чтобы принять его, не теряя сознания, и была одета в то самое платье, в котором он забрал меня из палаццо. Однако в глазах его отразились ужас и потрясение: должно быть, я больше походила на скелет, наряженный в камчатное детское платье, и Альдобринди повалился передо мной на колени, моля о прощении, но я не слушала.

– Где моя тетя? – негромко спросила я, когда он наконец унялся и стал заверять, что меня непременно освободят и отправят в Рим.

– Госпожа Строцци вынуждена была покинуть город, но даже в изгнании она ни на миг не прекращала бороться за тебя, – ответил Альдобринди после гнетущей паузы. – У нее началась горячка, и... – Он запустил руку под камзол и вручил мне запечатанный конверт. – Она оставила тебе вот это.

Я даже не взглянула на письмо тетушки, только сжала его в руках и сквозь бумагу ощутила невидимое присутствие женщины, которая составляла столь огромную часть моего мира, что невозможно было вообразить, что ее больше нет. Я не плакала, не могла плакать. Горе мое было чересчур глубоко.

В тот же день я покинула обитель Святой Люции и выехала в Рим. Я не знала, что ждет меня впереди. Знала только, что мне одиннадцать лет, моя тетушка мертва, а моей жизнью распоряжаются другие.

Глава 4

Город, который я покинула, лежал в руинах. Город, в который я вернулась, стал неузнаваем. Свита предупреждала меня, что Рим чрезвычайно пострадал во время осады императорскими войсками, и все равно, когда наш кортеж спустился с холмов в долину Тибра, я не могла поверить собственным глазам. У меня сохранились смутные воспоминания о том кратком времени, которое я провела среди болотных испарений и великолепных палаццо Вечного города, но и этого оказалось достаточно, чтобы я сейчас всем сердцем пожелала вообще ничего не помнить.

Над разоренной округой возвышались дымящиеся груды развалин. Когда мы въехали в город, я увидела мужчин с пустыми глазами, изнуренных женщин, которые сидели, склонив головы, возле выгоревших дотла руин своего прежде уютного крова, жалких остатков разграбленного имущества и поруганных домашних святынь. Стайка ребятишек в лохмотьях стояла молча, словно они заблудились и не знали, куда попали. Сердце мое сжалось, когда я осознала, что ребятишки эти – сироты, точно такие же, как я. Вот только им, в отличие от меня, совершенно некуда податься. Кроме мулов, которых пригнали, чтобы разбирать завалы, я не увидела в городе никаких животных, даже вездесущих кошек. Отводя глаза от раздутых трупов, которые громоздились на улицах, словно кучи хвороста, от луж засохшей крови, я упорно смотрела только перед собой. А кортеж между тем продвигался ко дворцу Латеран, где, по словам свиты, мне и предстояло поселиться.

Уже были приготовлены комнаты, выходившие окнами на вытоптанные сады, и меня ожидали фрейлины – женщины благородного происхождения, готовые исполнить любое мое пожелание.

Среди них была Лукреция Кальваканти, светловолосая гибкая девушка с ясными голубыми глазами; она сообщила, что мой дядя, его святейшество, еще не вернулся из Орвието, но велел позаботиться о моих удобствах.

– Боюсь только, что мы немного можем предложить, – прибавила она, улыбнувшись. – Папские покои подверглись нашествию мародеров, все ценное разграблено. Однако у нас в достатке съестного, так что мы можем считать себя счастливыми. Для тебя, герцогиня, мы сделаем все возможное, хотя, опасаясь, на шелковые простыни сейчас рассчитывать не стоит.

Лукреции было пятнадцать лет, и она разговаривала со мной как со взрослой женщиной, которую не нужно оберегать от суровой правды. Я оценила такое обращение по достоинству, ибо не желала, чтобы со мною нянчились и кормили сказками.

Очутившись в спальне, я села на кровать и долго следила за тем, как солнце медленно опускается за поросшие соснами холмы Рима.

Затем достала письмо тетушки – несколько строчек, начертанных дрожащей рукой умирающей.

«Дитя мое, боюсь, в этой жизни мы уже больше не свидимся. Однако я всегда буду любить тебя и знаю, что Господь в милосердии Своем тебя не оставит. Помни, ты – Медичи и тебе суждено достичь величия. Ты моя надежда, Екатерина. Не забывай об этом».

Я прижала письмо к груди, свернулась калачиком в постели и проспала без перерыва одиннадцать часов. А проснувшись, увидела, что на табурете у моей кровати сидит Лукреция.

– Ты перенесла немало горя, – будничным тоном проговорила она, – но теперь тебе следует жить сегодняшним днем, как бессловесные твари Божьи.

– Как это возможно? – тихо спросила я. – Ведь я не животное и слишком хорошо знаю, что может принести завтрашний день.

– Значит, тебе следует этому научиться. Нравится нам это или нет, госпожа моя, но сегодняшний день – это все, что у нас есть.

Лукреция протянула руку и взяла у меня измятое письмо.

– Я положу его куда следует, – сказала она и вышла, забрав других фрейлин, чтобы оставить меня в одиночестве.

Совсем рядом, буквально за стеной, утопал в крови Рим, но здесь, в этой комнате, я впервые за очень долгое время ощутила себя в безопасности.

К прибытию папы Климента я уже совершенно оправилась от пережитого.

В обшарпанном канделябре тускло горели свечи. Я приблизилась к папскому трону и опустилась на колени, но папа Климент жестом велел мне подняться. Повиновавшись, я пристально разглядывала его и силилась вспомнить, каким он был раньше, отыскать в его внешности какие-то перемены. Он бежал из Рима и вынужден был наблюдать издалека за тем, как императорские войска разоряют его город, однако сейчас, мне так казалось, дядя выглядел будто после отдыха в сельской глуши: на высоких скулах играет румянец, тронутая сединой борода окаймляет полные сочные губы. Белоснежные одеяния, ниспадавшие многочисленными складками, были безукоризненно чисты; преклоняя колени, я мельком заметила на ногах дяди бархатные, шитые золотом туфли. И только встретившись с ним взглядом, я наконец распознала следы недавнего изгнания: яркие, голубые с зеленым отливом глаза его были сужены, смотрели испытующе и остро, и в этот миг я поняла, что прежде вообще не знала его. Дядя, должно быть, испытывал те же чувства. Он глядел на меня так, словно я ему чужая, и объятия его оказались невыразительны, без капли чувства.

– Они за все заплатят, – пробормотал он. – Все они: и монашки Святой Люции, и мятежники-флорентийцы, и предатель Карл Пятый. Все расплатятся за то, что натворили.

Дядя обращался вовсе не ко мне. Присев в реверансе, я почтительно отступила от трона. Кардиналы курии, выстроившиеся по углам зала, провожали меня хищными взглядами, словно ястребы добычу.

Меня пробрал озноб. Что бы они там ни задумали, я была свято уверена: это не к добру.

После той встречи папа Климент долгое время не виделся со мной, целиком оставив на попечение фрейлин. Еще несколько недель я не могла спать спокойно, вскакивала с криком от кошмарных снов, в которых воскресали месяцы тягостного заточения в обители Святой Люции. Какое блаженство мне доставило известие, что монашки обложены безжалостным денежным штрафом, а орден их распущен! Куда меньше меня порадовало то, что папа Климент отказался восстановить во Флоренции республику и назначил управлять городом своего вельможу.

Лукреция сказала прямо: «Он сокрушит Флоренцию под своей пятой и позаботится о том, чтобы так же солоно пришлось императору Карлу Пятому».

Я понимала ее правоту. Впрочем, я была еще юна и довольствовалась тем, что держалась подальше от политики, – гуляла в садах, читала, снимала мерки для новых нарядов, ела и спала сколько хотелось.

Лукреция исправно извещала меня обо всех новостях папского двора, который воспрянул к жизни еще прежде, чем со стен отчистили сажу и следы надругательств. Незадолго до моего тринадцатилетия она сообщила, что Франциск, король Франции, отправил в Рим нового посла и папа Климент желает, чтобы я развлекла его.

– И как же я должна его развлекать? – Я воззрилась на нее в изумлении. – Подливать вина?

– Разумеется, нет! – Лукреция от души расхохоталась. – Ты усладишь его взор французским бассдансом²; его святейшество уже нанял для тебя учителя. Надо не забыть подготовиться к завтрашним занятиям. До сих пор тебя научили немногому из того, что положено знать и уметь женщине. Настало время сделать из тебя придворную даму.

– Кажется, еще недавно ты советовала мне жить как птице небесной, – проворчала я.

Речи Лукреции мне не слишком понравились, однако моего мнения никто не спрашивал. В последующие дни меня безжалостно школил некий вертлявый щеголь, обильно политый духами: он орал на меня и тыкал своей белой тросточкой, приговаривая, что, дескать, я неуклюжа, как кобыла. Я ненавидела танцы – бесконечные дурацкие реверансы, трепетные взмахи ладонями и жеманные взгляды раздражали меня неимоверно.

Все же я добилась достаточных успехов, дабы «усладить взор» французского посла. Мой дядя, раскрасневшись от выпитого вина, покачивался на троне, а посол с загадочной усмешкой мерил меня взглядом с головы до пят, словно я была куклой, выставленной на продажу.

Пару дней спустя у меня впервые случились месячные. Спазмы внизу живота оказались так сильны, что я стонала от боли, однако Лукреция объявила, что это, дескать, добрый знак: у меня будет много здоровых сыновей. Несмотря на неприятные ощущения, я с восторгом изучала едва уловимые перемены, которые происходили с моим телом: груди потяжелели и стали шелковистыми на ощупь, бедра округлились, на коже появился нежный пушок – все это, казалось, появилось за одну ночь.

– Я буду хорошенькой? – спросила я Лукрецию, когда она причесывала меня.

Волосы мои отросли гуще прежнего и вились, и Лукреции нравилось вплетать в них ленты и украшать шитыми жемчугом шапочками.

– Ты и сейчас хорошенькая. – Она перегнулась через мое плечо и поглядела на отражение в зеркале. – Твои большие черные глаза очаруют любого мужчину, а губы такие пухлые, что завлекут даже епископа... Впрочем, епископа завлечь не так уж трудно, – прибавила она, лукаво подмигнув.

Я засмеялась. Лукреция считалась старшей над прочими девушками, назначенными наставлять меня, но на самом деле она была мне как сестра, и я всякий день радовалась тому, что она рядом. Ее дружба исцелила мои душевные раны, и теперь я смело смотрела в будущее, готовая к новым испытаниям.

Что именно ждет меня, выяснилось довольно скоро. Как-то Лукреция сообщила, что папа Климент желает меня видеть. Цели свидания она не знала, могла только сказать, что ему угодно повидаться со мной наедине. И мы направились в папские покои по коридорам, где стены были завешаны мешковиной и трудились многочисленные ремесленники, восстанавливая поврежденные захватчиками фрески.

У позолоченных дверей покоев я вдруг вновь ощутила пробуждение провидческого дара, но не беспомощное погружение в потусторонний мир, которое я испытала во Флоренции, нет. Скорее это было беззвучное, едва ощутимое предостережение, которое побудило меня беспокойно оглянуться на Лукрецию.

Та ободряюще улыбнулась:

– Что бы он ни сказал, помни: ты для него гораздо важнее, чем он для тебя.

Я вошла в просторную, изукрашенную позолотой комнату и преклонила колени. Дядя, в своем белом облачении, с крестом на шее, усыпанным изумрудами и рубинами, за массивным письменным столом чистил апельсины, и приторный цитрусовый аромат наполнял комнату, заглушая запахи старых духов и расплавленного воска. Он жестом пригласил меня

² Средневековый танец, величественный и степенный, состоящий из шагов и поклонов.

подойти поближе. Я приблизилась и поцеловала его руку с перстнем, на котором красовалась печать святого Петра.

– Мне сообщили, что ты стала девушкой. – Он вздохнул. – Как летит время!

Книга в кожаном переплете, лежавшая перед ним, была усыпана апельсиновой кожей; он сунул в рот сочную дольку и указал мне на ближайший табурет:

– Присядь. Давненько мы с тобой не видались.

– Я виделась с вами в прошлом месяце, во время визита французского посла, – напомнила я и добавила, помедлив: – С разрешения вашего святейшества, я лучше постою. Это платье новое и неудобное.

– Да, но тебе следует привыкнуть к подобным вещам. Быть одетой согласно правилам этикета чрезвычайно важно. При французском дворе подобные вещи считаются *de rigueur*³.

Дядя взял украшенный драгоценными камнями нож и разрезал апельсин. Аромат хлынул из рассеченной мякоти, словно солнечный свет, и рот мой тотчас наполнился слюной.

– Тебе следовало бы знать об этом, – прибавил дядя. – В конце концов, твоя мать была француженкой.

– Совершенно верно, ваше святейшество, и для меня это великая честь, – пробормотала я, хотя меня так и подмывало напомнить, что мать умерла при моем появлении на свет.

– Воистину так. А что бы ты ответила, если бы я сообщил, что Франция желает принять тебя в свое лоно?

Голос его звучал мягко, напоминая о тех давних днях, когда я была маленькой девочкой, а папа Климент – моим любящим дядюшкой. Впрочем, я нисколько не обманывалась на сей счет, поскольку знала, что дядя пригласил меня сюда неспроста.

– Так что же? – резко спросил он. – Тебе нечего сказать?

– Я ответила бы, что и это почитаю для себя великой честью.

– Вот речь, достойная Медичи! – Дядя разразился грубым хохотом, и я почувствовала в нем такую угрозу, что у меня подкосились ноги под тяжелым платьем.

– Ты научилась давать неопределенные ответы. – Климент снова взглянул на меня. – Это изрядно поможет тебе в супружеской жизни.

Кровь моя застыла в жилах. Я решила было, что ослышалась.

– Пришла пора повзрослеть, – продолжал дядя, жуя апельсин и капая светлым соком на рукав. – В сущности, переговоры о браке уже почти завершены. Частью твоего приданого станет герцогство Миланское, я передам его сразу после свадьбы. Как знать! – Он поднял голову. – Быть может, в один прекрасный день ты станешь королевой Франции!

У меня загудело в ушах. Вот она, месть, которую он так долго лелеял! Вот кинжал, который он вонзил в грудь Карла V, – союз с Франциском I, соперником императора! И оружием его мести стану я. Мой брак разрушит замыслы Карла V завладеть Италией и даст Франциску права на герцогство Миланское, которое он давно жаждет заполучить и которое сейчас находится под имперской властью.

– Но ведь король Франциск уже женат, – пролепетала я, – на родной сестре императора.

– Совершенно верно. Зато его второй сын, Генрих Орлеанский, холост и, возможно, когда-нибудь унаследует трон. По крайней мере, у меня имеются достоверные сведения, что дофин, старший сын Франциска, весьма слаб здоровьем.

С этими словами дядя принялся чистить очередной апельсин.

– Надеюсь, твое молчание не означает недовольства, – прибавил он, глубоко вонзая в сочную мякоть длинные костлявые пальцы. – Чтобы обеспечить тебе этот брак, мне пришлось затратить немало усилий, да и денежных средств. Меньше всего на свете мне сейчас нужны препирательства с несговорчивой невестой.

³ Необходимый, обязательный (*фр.*).

Что я могла сказать? Он был вправе распорядиться мной по своей воле. Ничто, кроме самоубийства, не могло отвлечь моей участи, и, осознав это, я ответила без предательской дрожи в голосе:

– Если такова твоя воля, то мне остается лишь весьма охотно ей последовать. Могу ли я взамен попросить о небольшой любезности? Мне бы хотелось вернуться во Флоренцию. Это мой родной город, и я... – тут я все же смешалась, – хочу с ним проститься.

– Что ж, хорошо, – сказал Климент, однако взгляд его похолодел. – Если пребывание в Риме тебя более не устраивает, я обеспечу тебя подобающим эскортом.

Он протянул правую руку, унизанную перстнями. Приложившись к ней губами, я услышала, как он пробормотал:

– Любовь – предательское чувство. Без него живется гораздо проще. Для нас, Медичи, так оно и есть.

Пятясь, я отступила к двери, а дядя между тем принялся чистить очередной апельсин. На губах его играла самодовольная усмешка.

Я вернулась во Флоренцию благоухающим жарким летом, со свитой, которая состояла из охранников, прежних моих друзей, в том числе Лукреции, и одной новой, карлицы по имени Анна-Мария. Это была четырнадцатилетняя крошечная девушка с коротенькими руками и ногами, которые, впрочем, не мешали любоваться ее роскошной пепельно-золотистой гривой, задорным личиком и жизнерадостной улыбкой. Анна-Мария сразу пришлась мне по душе; в поисках ее папа Климент обшарил всю Италию, так как непременно желал, чтобы у меня во Франции была собственная шутиха. Я тем не менее решила, что не стану принижать ее, увешивая обычными для шутов колокольчиками. Вместо этого ей вменялось в обязанность следить за моим постельным бельем, что давало возжеленное право на место в моей опочивальне.

В родовом палаццо мало что изменилось. Лик Флоренции до сих пор хранил следы перенесенных тягот, и пройдет много лет, прежде чем эти раны затянутся. Однако наш дом стоял нетронутым, безмолвным, точно роскошная усыпальница. Я поселилась в прежних покоях моей милой тетушки, где простыни еще хранили тонкий запах духов, а на столе были разложены принадлежности для письма, словно она отлучилась лишь на минуту и вот-вот войдет.

И там, в ящике стола, под недописанными письмами я обнаружила свою шкатулку из слоновой кости и серебра. Я вынула ее с таким трепетом, словно она могла исчезнуть в моих руках, и провела кончиками пальцев по граням крышки. Это тетушка спрятала шкатулку здесь, среди своих вещей. Она знала, что мне понадобится материнское наследство, и предвидела, что я вернусь.

Раздался щелчок, шкатулка открылась. Под отставшим краешком бархатной обивки я отыскала потайное отделение, где лежал, свернувшись, словно змейка, подарок Руджиери. Я надела на шею серебряную цепочку со склянкой, стиснула обеими руками шкатулку и наконец позволила себе предаться горю.

Договор о моей помолвке был подписан весной. Дабы представить меня богатой невестой из рода Медичи, папа Климент собрал внушительное приданое и без колебаний выгреб из своей казны множество драгоценностей, в том числе семь серых жемчужин, которые некогда принадлежали одной византийской императрице, а теперь украшали мою герцогскую корону. Помимо того, он отправил во Францию мой портрет.

В ответ Франциск I прислал мне изображение своего сына. Миниатюру доставили в изящной, выложенной атласом шкатулке, и, когда Лукреция бережно извлекла ее, я впервые увидела лицо своего будущего мужа – тяжелые веки, крепко сжатый рот и длинный нос, как

у всех Валуа. Лицо, замкнутое и угрюмое, не пробудило во мне никаких чувств, и в этот миг я невольно задумалась, не такое ли впечатление произвел на него и мой портрет. Что же это будет за брак – между чужими друг другу людьми, у которых нет ничего общего?

– Он хорош собой, – с облегчением проговорила Лукреция, взглянув на меня, закаменевшую в кресле. – Похоже, три года в Испании прошли для него без последствий.

– А как он оказался в Испании? – Анна-Мария озадаченно нахмурилась.

– Он и его брат, дофин, были отправлены заложниками к императору Карлу Пятому, когда король Франциск проиграл войну за Милан, – отозвалась я. – Король также вынужден был жениться на сестре императора Элеоноре.

К моему смятению, на меня вдруг накатило желание по-ребячески затопать ногами, швырнуть портрет через всю комнату, закатить истерику, которая выдала бы мое полнейшее бессилие. Прикусив губу, чтобы сдержать слезы, я махнула рукой:

– Уберите портрет и оставьте меня одну.

Той ночью я сидела без сна и смотрела в окно, за которым стояла душная флорентийская ночь. Я позволила себе оплакать все, чего лишилась, прежде чем окончательно избрать свою судьбу. Моей жизни в Италии пришел конец. Возможно, это не то, чего я хотела, но это моя судьба. Теперь мне надлежит думать о будущем и готовиться к нему.

В конце концов, я – Медичи.

Часть 2 1532–1547 Нагая, как дитя

Глава 5

После двух недель в море наше судно бросило якорь в гавани Марселя. Ужасное, изобиловавшее штормами плавание вынудило меня дать обет никогда более не покидать твердую землю. Будь я склонна в печали размышлять над превратностями судьбы, забросившей меня в чужой край, к чужому человеку, которому предстояло стать моим мужем, грусть мгновенно прогнало бы безмерное ликование оттого, что наконец-то перед глазами у меня не только бушующее море.

Лукреция и Анна-Мария достали из кожаных сундуков новое платье, разгладили измятые складки и облачили меня, затянув корсет, в эту груды бархата. Драгоценные камни усеивали меня в таком изобилии, что я всерьез усомнилась, сумею ли доковылять до трапа, не говоря уж о том, чтобы проехать верхом по улицам Марселя до самого дворца, где ожидал меня французский двор. Помимо платья, я впервые надела герцогскую корону, украшенную семью жемчужинами. Закованная во все это великолепие, я так и стояла, пока не явился Рене Бираго, назначенный Климентом моим казначеем, и не сообщил: на барке прибыл коннетабль Монморанси, чтобы доставить меня на берег.

– Тогда мне следует выйти ему навстречу, – кивнула я.

Бираго, флорентинец двадцати с небольшим лет, одарил меня улыбкой. Несмотря на легкую хромоту – по словам Бираго, последствие приступов подагры, – он обладал непобедимой грацией, что выдавало в нем завсегда папского двора. Худощавый, он носил алый камзол, сшитый по итальянской моде, в обтяжку; тонкие светло-каштановые волосы были зачесаны назад над бугристым лбом, отчего еще заметней становились крючковатый нос и умные черные глаза.

– Госпожа, – прошепестел Бираго мне на ухо голосом, созданным для нашептываний, – я бы посоветовал тебе остаться здесь. Хотя Монморанси – коннетабль и главнокомандующий армией его величества, но ты – герцогиня Урбино, а скоро станешь герцогиней Орлеанской. Пускай Франция в кои-то веки засвидетельствует почтение Италии.

Я улыбнулась этой умной мысли, высказанной умным человеком. Как бы то ни было, частица Италии оставалась при мне, оберегала меня и поддерживала. А на груди, под корсажем, скрывалась еще одна частица родины – склянка, подаренная Руджиери.

Фрейлины окружили меня, и вместе мы смотрели, как французы поднимаются на борт судна. Наряды их блистали великолепием, на шапочках и камзолах искрились в солнечном свете драгоценные камни.

– Который из них коннетабль? – прошептала я Лукреции, не отводя взгляда от гостей.

– Наверняка вон тот, рядом с Бираго. Похож на варвара: такой огромный, да еще весь в черном, словно в трауре.

Лукреция оказалась права. Монморанси и в самом деле выглядел сущим исполином: широкие плечи его закрывали солнце, накрахмаленные брыжи, облекавшие бычью шею, смотрелись как легкомысленный воротничок. Бираго еще прежде сообщил мне, что коннетабля сейчас под сорок, что он выдающийся воин и проявил беспримерную отвагу в войне, которую Франциск вел за Милан. Я была готова увидеть человека, на дух не переносящего ничего итальянского, – и неудивительно, если вспомнить, что меч его в прошлом был обог-

рен кровью бесчисленного множества моих соотечественников. И тем не менее, когда коннетабль склонился к моей руке, я не обнаружила и тени неприязни ни в его грубом, обветренном лице, ни во взгляде суровых серо-голубых глаз.

– Почту за честь приветствовать ваше высочество от имени его величества Франциска Первого! – напевным тоном провозгласил он.

– Воистину, сударь мой коннетабль, слыша приветствие из твоих уст, я словно вижу перед собой его величество во плоти и чувствую, что земля эта отныне – моя родина, – склонив голову, ответила я по-французски.

Морщинки его у глаз стали глубже. Провожая меня к барке, он не вымолвил больше ни слова, но рука его, уверенно поддерживавшая меня под локоть, была красноречивей слов: я нашла во Франции первого друга.

Путь по улицам Марселя промелькнул, как в тумане. Когда мы достигли дворца, в моем распоряжении оказался лишь краткий миг, чтобы собраться с духом. Затем я вновь оперлась на руку коннетабля, и меня ввели в зал, где сотни знатных французов выстроились рядами вдоль прохода к задрапированному алой тканью помосту.

Раздался громкий хлопок ладоней, и все разговоры стихли.

– Eh, bon!⁴ А вот и невеста!

Ступая с кошачьей грацией, с помоста сошел человек, разодетый в шитые серебром шелка. Каштаново-рыжеватые волосы ниспадали ему на плечи, подстриженная бородка подчеркивала плотно сжатые губы и крупный орлиный нос. Я замерла. Мне никогда прежде не доводилось видеть такого лица. Казалось, сама жизнь во всем своем многообразии отпечатавалась на нем с дерзостью нераскаянного грешника, и каждый штрих, каждая черточка его являлись отметиной души, которая ни в чем не знала удержу. Франциск I, король Франции, давно уже миновал пресловутую пору юности, однако по-прежнему оставался великолепен. Это был король, для которого бремя власти стало повседневным платьем, который испытал в этой жизни все, кроме самоотречения.

Мы неотрывно глядели друг на друга. Зеленые, полуприкрытые тяжелыми веками глаза Франциска вдруг заискрились озорством. Я ужаснулась, сообразив, что совсем позабыла выразить почтение его королевскому величеству. Я присела было в реверансе, но король небрежно махнул унизированной драгоценными кольцами рукой.

– Mais non, ma fille⁵. – И обнял меня, вызвав бурный всплеск аплодисментов.

– Bienvenue en France, petite Catherine⁶, – прошептал мне на ухо король Франциск I, а затем подвел к своему семейству.

Я поцеловала руку королевы Элеоноры, сестры императора, чопорной испанской принцессы, плотно окруженной кольцом фрейлин, а затем обратилась с приветствием к старшему сыну короля, рожденному в его первом браке с покойной королевой Клод. Франциск, которого называли дофином, поскольку он был наследником престола, оказался высоким юношей с мягкими карими глазами и бледным болезненным лицом. Потом едва не столкнулась лбом с дочерьми короля, принцессами Маргаритой и Мадлен, – они так нервничали, что присели в реверансе одновременно со мной. Засмеявшись вместе с ними, я увидела, что обе девушки почти мои ровесницы, и понадеялась, что мы подружимся.

Я повернулась к королю. Губы его дрогнули в едва заметной усмешке, и я поняла, что он прочел мои мысли.

⁴ Отлично! (фр.)

⁵ Не нужно, дитя мое (фр.).

⁶ Добро пожаловать во Францию, малышка Екатерина (фр.).

– А разве его высочество принц Генрих не здесь? – спросила я.

– Генрих нелюдим. – Лицо Франциска I потемнело. – И пренебрегает приличиями. К тому же у него, похоже, нет привычки следить за временем. Впрочем, не беспокойся. Венчание состоится завтра, и к тому времени, клянусь Господом, он будет здесь.

Эти слова прозвучали не столько обещанием, сколько неприкрытой угрозой. Я вздернула подбородок.

– Да и как же иначе? – проговорила я достаточно громко, чтобы меня расслышали все в зале. – Не каждый день Франция заключает брачный союз с Италией.

Франциск I замер, затем опустил взгляд и сжал мою руку.

– Сказано истинной принцессой, – прошептал он, а потом вскинул наши сомкнутые руки и прокричал: – Начинаем праздник!

В пиршественном зале король усадил меня на возвышении рядом с собой. Толпа придворных расселась за столами, расставленными перед помостом; слуги принялись разносить блюда с цаплями в меду и жареными лебедями.

– Пускай мой сын и не пожелал выразить радость от встречи со своей невестой, но я, *petite*⁷ Екатерина, очарован ею, – прошептал король, наклонившись ко мне.

– Тогда, вероятно, мне следовало бы сочетаться браком с вашим величеством, – без колебаний ответила я.

– И в придачу к этим обворожительным черным глазам ты еще и обворожительно отважна! – Король расхохотался, потом помолчал, испытующе вглядываясь в меня. – Хотел бы я знать, Екатерина Медичи, понравишься ли ты моему сыну.

Я принудила себя улыбнуться, хотя при этих словах все во мне сжалось. Неужели я проделала такой долгий путь, чтобы стать нелюбимой женой принца?

Мне подносили все новые блюда, а король Франциск один за другим осушал кубки вина с пряностями, будто забыв обо мне. Но вот он легонько тронул меня за руку и сказал:

– Дорогая, тебя хотят поприветствовать племянники Монморанси. Улыбайся. Это дети его покойной сестры, его отрада и гордость.

Я вздрогнула и тотчас собралась с мыслями. Передо мною стоял коннетабль, а с ним трое юношей.

Миловидность их лиц, обрамленных каштановыми волосами, выгодно оттеняли простые белые камзолы. Сразу бросалось в глаза, что они родня и крепко держатся друг за друга.

– Ваше высочество, – проговорил коннетабль, – позвольте представить: мой старший племянник Гаспар де Колиньи, синьор де Шатильон!

Я подалась вперед. У Гаспара де Колиньи были густые, темные, с золотистым отливом волосы и ясные голубые глаза, от худощавого лица веяло меланхолией. Вероятно, он был по крови миланец, привлекательный, но отстраненный, как свойственно миланским аристократам. Я бы дала ему двадцать с небольшим, однако оказалось, что он едва достиг шестнадцатилетия.

– Для меня это большая честь, – негромко проговорил он. – Надеюсь, ваше высочество, вы будете здесь счастливы.

– Благодарю, сударь. – Я ответила ему робкой улыбкой.

Колиньи помедлил, глядя мне в глаза. Я ожидала еще каких-то слов, но он лишь снова поклонился и вместе с братьями вернулся к столу, а мне осталось лишь проводить его взглядом, словно с ним уходило нечто бесконечно дорогое, чего я, возможно, уже никогда не обрету.

– У Гаспара недавно умер отец. – Король Франциск вздохнул. – Вот почему он носит белое, во Франции это цвет траура. Мадам Колиньи скончалась много лет назад, и теперь,

⁷ Малышка (*фр.*).

после смерти отца, Гаспар сделался главой семьи. Коннетабль в нем души не чает. – Он искося поглядел на меня. – Надобно сказать, тебе повезло с друзьями. Монморанси один из самых преданных моих слуг, и род их весьма древний. То же относится и к его племянникам, а при дворе, малышка, происхождение решает все.

Стало быть, Гаспар Колиньи – сирота, как и я сама? Быть может, поэтому я с первой минуты ощутила, что он мне так близок?

Приветствия продолжились, аристократы толпой двинулись ко мне, расталкивая друг друга в стремлении показать королю, что они жаждут выразить почтение его новой невестке. После двадцатой перемены блюд и четырех десятков новых знакомств я оставила всякие попытки запомнить имена и титулы и мысленно возликовала, когда король поднялся и объявил, что я, по всей вероятности, устала. И повел меня с помоста на другой, напротив нашего, где весь вечер в каменном молчании восседала королева Элеонора.

Мне было жаль ее. Подобно мне, Элеонора в свое время стала жертвой династического брака и явно не пожелала пускать корни в чужую почву. Я слышала, что для испанцев это в порядке вещей – они весьма ревностно хранят память о своем происхождении, – но понимала, что мне не следует брать пример с Элеоноры. Во что бы то ни стало я должна здесь прижиться, сделаться своей при здешнем дворе. К добру ли, к худу ли, но теперь мой дом тут. Проходя мимо коннетабля, я украдкой глянула на его старшего племянника. Гаспар наклонил голову, и я тщетно искала случая встретиться с ним взглядом.

Пажи, одетые в белые и голубые цвета рода Валуа, распахнули дверь. Король Франциск оставил меня на попечение моих фрейлин; не обменявшись с ними ни единым словом, я позволила снять с себя пышный наряд и, встретившись с понимающим взглядом Лукреции, улеглась в незнакомую кровать.

Оставшись в одиночестве, я лежала без сна и думала о том, что тетушка Кларисса ошибалась.

Пока не похоже, что меня ждет великое будущее.

Глава 6

Проснувшись поутру, я обнаружила, что вокруг кровати собрались все мои фрейлины. Всю минувшую неделю мне не удавалось как следует выспаться, а потому я решительно засунула голову под подушки.

– Госпожа, тебя ожидают его величество и двор. – Лукреция, набравшись смелости, потрясла меня за плечо. – Брачная церемония назначена на сегодня.

Я застонала, но тут же замерла и осторожно выглянула из-под подушек. Ноздри щеко-тал лавандовый аромат из медной ванны, которую мои спутницы приволокли в спальню и наполнили горячей водой; краем глаза я заметила пышные оборки разложенного на столе подвенечного платья.

– Так он приехал?

Анна-Мария печально покачала головой. От унижения к щекам моим прихлынула жар-кая волна.

– Что же, – процедила я, – если принца нет, с кем же я тогда должна сегодня венчаться?

– Его величество говорит, если понадобится, он сам заменит жениха.

Анна-Мария залилась слезами. Судя по бессвязным словам, что срывались с ее губ между всхлипами, она полагала меня несчастнейшей принцессой во всем христианском мире.

– Вот уж чего я не думаю! – заявила я, стараясь сохранять хорошую мину при плохой (даже, скорее, ужасной!) игре. – Впрочем, наверняка есть принцессы и посчастливее меня.

С этими словами я предала себя в заботливые руки фрейлин и два часа спустя вышла из спальни, закованная в тяжелый небесно-голубой бархат. Усыпанные бриллиантами зару-кавья сомкнулись на моих запястьях, словно кандалы.

Несмотря на невыносимую жару, во внутреннем дворе теснилась изрядная толпа. Я остановилась. Помогите мне, Господи! Я не хочу становиться женой мальчишки, которому не хватило порядочности явиться на собственную свадьбу!

Тут появился король Франциск в сопровождении своей свиты. Он поклонился мне и поднес мою руку к губам, на которых играла сардоническая усмешка.

– Ты, помнится, говорила, что тебе следовало бы сочетаться браком со мной? Что ж, сейчас есть возможность это устроить.

Против воли я улыбнулась. Этот стареющий сатир оставался совершенно непохожим на всех прочих мужчин.

В соборе меня также поджидала толпа: море придворных, аристократов и мелких чиновников превратилось в настоящий океан. Я вышла из кареты, борясь с соблазном попра-вить пропотевшие складки платья, которые вмялись в ложбинку между ягодицами, и тут же на меня устремились сотни глаз, сверкающих над напудренными щеками, – словно у хищ-ных птиц. Король Франциск повел меня к алтарю; в чрезмерно пышном наряде я напоми-нала галеон под всеми парусами. Подойдя ближе, я убедилась, что жениха на месте нет.

Рядом со мной встал король. Епископ, судя его по виду, больше всего на свете желал провалиться сквозь землю.

– Ну? – буркнул король Франциск. – Чего же мы ждем? Невеста здесь, вместо жениха буду я. Приступай, не мешкай!

Мне невольно подумалось, не таким ли было его венчание с королевой Элеонорой? Да и как могло быть иначе? Политический брак по самой природе своей не предназначен вдох-новлять на сочинение сонетов. Тем не менее на большинстве подобных церемоний супруги хотя бы брали на себя труд самостоятельно произнести брачные клятвы, не передоверяя это другим.

Епископ лихорадочно рылся в требнике, разыскивая подходящую цитату, хотя у него наверняка было вдоволь времени, чтобы подготовить ее заранее. Меня пробирали нервный смех. Вся предстоящая церемония казалась нелепой – дурацким фарсом, замешанным на лжи.

И в этот миг тишину нарушило клацанье шпор по мраморным плитам. Толпа, наполнявшая собор, в едином порыве обернулась. К нам, на ходу срывая и заталкивая за пояс кожаные перчатки, широким шагом направлялся рослый юноша. За ним торопилось несколько неопрятных и растрепанных типов. Король Франциск окаменел. Без всяких подсказок я поняла, что на венчание наконец-то пожаловал жених.

Впервые в жизни увидев Генриха Орлеанского, я испытала смутное облегчение. По крайней мере, он оказался недурен собой. В свои четырнадцать он был широкоплеч и обладал осанкой прирожденного всадника – из тех, что предпочли бы всю жизнь провести в седле и ценят лишь то, чем можно управлять при помощи уздечки и хлыста. У него был орлиный нос – фамильная черта Валуа, – узкие глаза и черные как вороново крыло волосы; однако лицо его оставалось угрюмо, словно вся радость жизни скисла в нем, как молоко в жару. Генрих даже не переоделся после охоты – на кожаной куртке еще высохли пятна крови какого-то животного. Позади него я заметила высокого, тощего, словно шпага, человека лет двадцати; лицо у него было острое, худое, и он глядел на меня так, словно я была комком навоза, на который он по неосторожности наступил. Губы его были крепко сжаты. То был, как я позднее узнала, Франсуа де Гиз, ближайший друг Генриха и старший сын наиболее амбициозного семейства Франции. Король Франциск даровал герцогство этим ярым католикам, и они теперь владели обширными землями на северо-востоке Франции.

Я вздернула подбородок. Мой будущий супруг не произнес ни слова.

– Неблагодарный! – прошипел король Франциск.

Я похолодела: Генрих не удосужился даже глянуть на отца. Наше бракосочетание грозило обернуться катастрофой. Требовалось вмешаться. Я – Медичи, племянница папы римского. Более того, я во всех отношениях дитя своей тетушки.

– Святой отец, – обратилась я к епископу, – не соблаговолите ли...

И Франциск шагнул прочь, уступая место Генриху. Запах, который источал мой нареченный, был еще хуже его внешнего вида. И, глядя прямо перед собой, я произнесла те слова, которые сделали меня женой Генриха Орлеанского.

После венчания мы были обречены высидеть еще один пир.

На сей раз Генрих расположился на возвышении рядом со мной. Мы не обменялись ни единым взглядом, но я не сомневалась, что он, как и я, думает только о том, что нам предстоит. Меня эта мысль занимала столь сильно, что я не могла ни отведать кусочка из стремительно менявшихся перед нами блюд, ни изобразить восторга при виде подарков, которые зная складывала к нашим ногам.

С наступлением полночи сотни придворных столпились в коридорах, дабы торжественно сопроводить нас в опочивальню. Я сменила подвенечное платье на ночную сорочку из льняного батиста, затем меня провели в смежную комнату. У громадной, украшенной венками кровати стоял Генрих, беседуя со своим остролицым хищноглазым другом. Мой супруг был облачен в тонкую льняную рубашку, которая облегла его мускулистый торс, словно влажная кожа. Многие женщины – да и некоторые мужчины – возликовали бы, започувлив на свое ложе такого красавца. Возможно, в глубине души я отчасти разделяла это чувство, потому что сердце мое гулко, неистово забилося, хотя мне и без того было не по себе. Подчеркнуто не заметив издевательской ухмылки Франсуа де Гиза, я позволила Лукреции уложить себя в постель и укрыть одеялами. Епископ благословил супружеское ложе; при-

дворные подняли последний тост за наше семейное счастье. Свечи погасли, посторонние удалились, чтобы продолжить веселье.

Наступила тишина. Я лежала, не смея шелохнуться.

Мне прекрасно было известно, чем занимаются в первую брачную ночь. Лукреция вкратце просветила меня на сей счет, к тому же мне доводилось видеть, как спариваются собаки; однако мысль об этом действе не слишком меня прельщала.

Генрих поднялся с кровати. Я сквозь зубы втянула воздух. Он не посмеет бросить меня одну! Затем вспыхнуло пламя, и Генрих выступил из темноты со свечой в руке. Он поставил свечу у изголовья, присел на кровать и откашлялся.

– Я хочу извиниться, если чем-то тебя обидел.

При этих словах – первых его словах, обращенных ко мне, – я села, откинувшись на подушки.

– При первой нашей встрече я не поздоровался с тобой, – продолжал Генрих. – Мое поведение было непростительно.

Извинения прозвучали натянуто, и я заподозрила, что мой супруг получил выволочку от короля.

– Так и есть, – отозвалась я. – Уж верно, я ничем не заслужила подобного обхождения.

Генрих отвел глаза. Тень от зыбкого пламени свечи плясала на его подбородке. Наверное, так он будет выглядеть через несколько лет, когда отрастит бороду. От него по-прежнему воняло, как от пастуха. Он был очень хорош собой, однако мне не хотелось потерять голову от его красоты. Правду говоря, я в глубине души чувствовала, что будет гораздо лучше, если ничего подобного не произойдет.

– Нет, не заслужила, – наконец согласился он. – Хотя кое-кто считает...

С этими словами Генрих снова поглядел на меня. Взгляд его был равнодушен и холоден.

– Кое-кто считает этот брак неподобающим.

– Неподобающим? – опешила я. – Отчего же?

Настала его очередь прийти в замешательство. Он явно не ожидал, что я начну задавать вопросы. Неужели во Франции у жен принято помалкивать?

– Мне казалось, что это очевидно, – наконец заявил Генрих, чопорно вздернув подбородок. – Я – французский принц, сын короля, а ты... дочь торговцев шерстью.

Я так и застыла, привалившись спиной к подушкам. Никогда прежде обо мне не говорили такого, и прозвучало это так нелепо, что я едва не расхохоталась. Веселье, однако, тотчас увяло, когда я осознала, что Генрих ничуть не шутит. Он и вправду считает, что я ниже его происхождения.

– Да, наш род ведет начало от непритязательных истоков, зато теперь он насчитывает двоих пап римских и некоторое количество вельмож. В Италии такие роды полагают аристократическими, поскольку мы...

– Мне все это известно, – перебил Генрих.

Он явно ожидал от меня слез и жалоб, но не прямого ответа по существу дела. А я с каждой минутой ощущала к нему все более сильное презрение. Генрих вел себя как всякий мальчишка, вынужденный что-то делать помимо своей воли, жаждущий охаять причину неприятностей и даже не помышляющий о последствиях.

– И все равно тебе повезло, что ты заполучила на свое ложе принца, – продолжал он, и я сразу поняла, что это не его слова.

Конечно, Генрих верил в то, что говорил, но мысль эта родилась не в его голове. Ее вложил туда кто-то другой, тот, кому он целиком и полностью доверяет. Кто же?

Я не намерена была произносить речи в свою защиту. Хотя могла бы сказать, что мое происхождение вполне устроило отца Генриха, который годами зарился на наши земли и с радостью ухватился за мое приданое и щедрые посулы дяди, папы римского.

– Воистину так, – сказала я вместо этого. – Это великая честь.

Он помолчал, воинственно выпятив грудь и выставив челюсть, напоминая при этом бойцового петушка.

– Разумеется, я не ставлю тебе в вину скромность твоего происхождения. Уверен, что ты предпочла бы остаться в Италии, среди родных и соотечественников.

Я промолчала, ни за что на свете не желая признаться, сколь мало родного осталось у меня на родине.

– К тому же мне сказали, что из-за этого не стоит спорить, – продолжал Генрих, явно сочтя мое молчание признаком согласия. – Если мы сделаем все, как должно, то в надлежащее время научимся жить как муж и жена.

Воистину, это была ночь откровений. Мне еще не исполнилось пятнадцати, но даже я знала, что успех брака ничуть не зависит от личных предпочтений. Брак между людьми, чужими друг другу, – совершенно обычное явление. Уж если прочие женщины способны пережить расхождение во взглядах, стало быть, смогу и я.

Я молча кивнула. Удовлетворенный Генрих задул свечу и забрался под одеяла.

– Доброй ночи, – пробормотал он, повернувшись ко мне спиной.

И почти сразу же задышал глубоко и ровно, размеренно похрапывая. Так засыпают изрядно потрудившиеся люди; можно сказать, что в некотором отношении Генриху тоже пришлось изрядно потрудиться.

Я же долго лежала без сна, неотрывно глядя в безжизненную темноту полога.

Глава 7

Из Марселя мы отправились в долину Луары, в самое сердце Франции.

Окруженная смеющимися мужчинами в облегающих бархатных нарядах и дерзкими дамами с щедро разукрашенными лицами, в сопровождении сотен повозок с горами мебели, посуды, ковров и гобеленов – всего, что могло понадобиться двору, – я пребывала в священном трепете. В Италии я не видела ничего подобного этому экстравагантному двору, который передвигался по дорогам, словно гигантская многоцветная змея, обрамленная несуразным множеством прислуги и лающих собак. В самом центре этой «змеи» неизменно пребывал король в окружении свиты. Частенько я замечала рядом с ним поразительно красивую даму в зеленом атласе; ее точеную шею обвивали сверкающие бриллиантовые нити, а рука ее касалась руки Франциска с небрежностью, выдававшей интимную близость. Эту даму мне не представляли, но я догадалась, что она фаворитка короля. И тут же вспомнила невозмутимую испанку Элеонору, которая чопорно распрощалась со мной в Марселе и уехала в другом направлении вместе с собственной свитой.

Земли, по которым путешествовал двор, также поразили мое воображение своей обширностью – по сравнению с ними Италия смахивала на высохший рыбий хребет. Взору моему представляли изобильные равнины, осененные лазурным куполом ясного неба; величественные леса, простиравшиеся до самого горизонта; многолюдные города и деревни в окружении плодородных полей, где в просторных загонах пасся скот и под каменными мостами текли, прихотливо извиваясь, реки. Лукреция ехала рядом с широко распахнутыми глазами и приоткрытым ртом, как и я. Анна-Мария, с восхитительной беззаботностью переносившая наши путешествия, шептала:

– Клянусь, все это точно в сказке! Совсем как в сказке!

Я не могла бы выразиться лучше. Франция и впрямь была сказочным королевством, и мне подумалось, что здесь я сумею, быть может, найти счастье, которого не искала: сотворить себя заново, избавившись от тяжелого гнета прошлого. Все казалось возможным в этом прекрасном краю. Встретившись со мной взглядом, король подмигнул, будто прочел мои мысли, а затем наклонился ко мне и прошептал:

– погоди, вот увидишь мой замок Фонтенбло! Я не пожалел средств, дабы создать дворец, равный по красоте чертогам, возведенным Медичи!

Он был прав. Фонтенбло возник из белоснежного марева долины Луары, словно фантастический сон, – первое место во Франции, которое мне захотелось назвать своим домом. Во всем, от алебастровых нимф, изгибавшихся, словно живые, на панелях громадной вызолоченной галереи, до роскошных коридоров, щедро увешанных ценными картинами из собрания короля (в том числе совершенным творением Леонардо да Винчи «Мадонна в гроте» и его же удивительной «Джокондой»), – повсюду я видела проявления страсти Франциска ко всему итальянскому. Он стремился воссоздать облик родины, с которой я рассталась навеки, ее бурное изобилие и непревзойденный художественный гений. И он так возрадовался моему интересу, что лично провел меня по замку, особо похвалившись сбрызнутыми олеандром гротами, которые вторили замковым дворикам Тосканы, и купальнями, чьи мозаики и полы с подогревом живо напоминали о Древнем Риме.

Вскоре я обнаружила, что от нас с Генрихом вовсе и не требуется жить совместно. Супружество в королевских семьях выглядит не как у обычных людей. Королева Элеонора никогда не бывала при дворе, предпочитая жить в специально обустроенных для нее домах, и я могла следовать ее примеру. Поручив Бираго управление моими делами, я с головой окунулась в новую жизнь, которая, в том числе, включала и занятия с принцессами Мадлен и Маргаритой.

Как я и надеялась, мы очень скоро подружились.

Тринадцатилетняя Мадлен была хрупким созданием с фарфорово-бледным личиком и слабыми легкими. Она обожала стихи и зачитывалась ими, даже когда хворала. Не единожды после полудня я сидела у ее кровати и читала вслух. В противоположность ей десятилетняя Маргарита отличалась высоким ростом и пышущим здоровьем – точь-в-точь как ее отец. Рыжеволосая, веснушчатая, она обладала неукротимым духом, который не могли сдерживать установленные для нас ограничения. Вначале она довольствовалась тем, что испытывала мою выносливость в цитировании Платона и Цицерона; когда же классная комната стала для нас слишком тесной, Маргарита увлекла меня в потаенные уголки Фонтенбло. Первое время нас непременно кто-то сопровождал; фрейлины следовали за нами как тени и выговаривали за непослушание. Но однажды Маргарита, буйно расхохотавшись, схватила меня за руку, и мы что есть духу помчались прочь от своих смятенных спутниц, которые лишь испуганно кричали вслед, поскольку придворные наряды мешали им нас нагнать.

– Ты только погляди на них! – усмехнулась Маргарита, когда мы достигли намеченной цели и я согнулась пополам, силясь перевести дыхание. – Ни дать ни взять наседки, только квохчут да хлопают крыльями! Когда я вырасту и смогу сама решать свою судьбу, ни за что не стану такой. Уж я-то не буду никчемной!

– Безусловно, не станешь! – согласилась я с откровенным восхищением. В моих глазах Маргарита была уже вполне взрослой и воплощала идеал, к которому я стремилась. – Ты же принцесса. Сможешь делать все, что захочется.

– Это правда. – Взгляд ее зеленых глаз встретился с моим. – Я принцесса. Однако даже принцесса не вольна поступать, как ей пожелается, если у нее недостает воли бороться за свои желания. Вот скажи, разве тебя не выдали за моего брата, даже не соизволив спросить, хочешь ты этого или нет?

Маргарита не стремилась меня задеть, просто высказала то, что думала. Однако упоминание о Генрихе все равно уязвило меня. Я хорошо помнила, что он говорил обо мне, и подозревала, что и все прочие при дворе считают меня чужеземной выскочкой, которой на самом деле нечем похвалиться.

– Воля у меня есть, – отрезала я. – Моей руки искали многие принцы. Твой отец предложил наилучшую партию, но сам Генрих для меня ничего не значит.

– Разумеется! – Глаза ее заискрились. – Он ведь твой муж. Ты всегда можешь, родив ему сыновей, обзавестись любовником. Взгляни на папочку: он вынужден был жениться на сестре Карла Пятого, но это не помешало ему искать удовольствий на стороне. Его улаживает кружок дам, которых он называет «мои маленькие разбойницы». Когда-нибудь его примеру последуем и мы.

Я подумала о рыжекудрой женщине, которую видела с королем, и предпочла пропустить мимо ушей намеки на деторождение. По крайней мере сейчас, на нынешней ступени нашего брака, говорить об этом неуместно.

– Обзаведемся дамами? – лукаво предположила я, и Маргарита радостно захихикала.

– Что ж, бывают женщины именно с такими склонностями, но я все же предпочту десяток мужчин. Сестра моего отца, тетя Маргарита, именно так жила до того, как сочеталась браком с королем Наваррским. Мужчины, которые вились вокруг, ловили каждое ее слово, читали ей вслух стихи и клялись в вечной любви.

До чего же она была отважна! Я всецело покорялась ее вольному, не скованному никакими условностями духу. Благодаря Маргарите я узнала о мире больше, чем за всю свою прежнюю жизнь. Она таскала из библиотеки короля книги с откровенными иллюстрациями, на которых изображались сцены блуда, а также водила меня к павильону возле искусственного озера Фонтенбло, где обыкновенно встречались любовники.

Скрючившись в зарослях крыжовника, мы в щелочку между ветвями наблюдали за тем, как оживали картинки из тайно просмотренных книг. Глядя на действие, которым наслаждались дама, раскинувшая ноги, и кавалер, размеренно двигавшийся над ней, я понимала, что нечто подобное в первую брачную ночь должно было произойти и со мной. И утешала себя тем, что когда-нибудь и впрямь, как утверждает Маргарита, заведу любовника и на собственном опыте познаю таинственные желания плоти.

Впрочем, наша жизнь состояла не только из игр и развлечений. Как бы я ни восхищалась независимостью, которая позволяла мне бродить где угодно и сколь угодно предаваться своей новой страсти к искусству и книгам, я понимала, что быть принцессой Франции почти то же самое, что быть Медичи. Дочери короля ни на миг не освобождались от обязательств, которые налагало на них высокое положение. Когда-нибудь они точно так же выйдут замуж, уедут в чужие страны и станут при тамошних дворах чужеземками, представляющими родину. И классная комната для них – то же, что учебное поле для солдат. Здесь мы ежедневно проводили по шесть часов, строго по расписанию изучая математику, историю, языки и музыку.

– Вчера у нас был урок мифологии, – сообщила как-то утром Мадлен, открывая свою тетрадку.

– И вел его старина Котомоль, – прибавила Маргарита, – но сегодня я пожаловалась ему, что у нас озноб. Ты ведь знаешь, как он боится всяческих болезней – почти так же сильно, как воды и мыла.

– Ко-то-моль, – старательно повторила я незнакомое французское имя.

– Да нет же, Ко-то-моль, – отчетливо повторила Маргарита. – Мы прозвали так учителя, потому что его одежда была вечно попорчена молью, а к тому же он сопел, точно старый кот.

– Но он очень добрый, – добавила Мадлен. – Всегда ставит нам высокие отметки.

– Попробовал бы он поставить другие! – смеясь, заметила Маргарита. – Папочка привез его из Фландрии, чтобы он нас учил. Он – гуманист; все наши учителя – гуманисты. Папочка говорит, они наилучшие наставники, поскольку высвобождают разум, не поработав дух.

– А ваши братья тоже учатся с вами? – спросила я.

Я не видела Генриха уже месяц с лишним и начала подозревать, что наш брак останется чисто формальным, как у Франциска с его королевой. Тайные вылазки к павильону у озера и слежка за любовниками вновь пробудили во мне потаенное ощущение: с нашим супружеством что-то неладно.

– О нет! – отозвалась Маргарита. – У Франциска, нашего старшего брата, собственный дом, да вдобавок обязанности, которые связаны с титулом дофина. Впрочем, иногда он нас навещает.

Спросить о Генрихе я не посмела. До сих пор я сумела разузнать о своем супруге лишь то, что он обожает охоту и неразлучен со своим другом Франсуа де Гизом. Хотя, может быть, я не слишком себя выдам, если спрошу, посещает ли он эти уроки...

В этот миг дверь классной комнаты распахнулась, и принцессы с восторженными криками бросились к отцу, который заключил их в объятия. Уже не впервые я ощутила внутри ноющую пустоту; хотя Франциск принял меня, словно родную дочь, только теперь я поняла, каково это – иметь отца. Никогда прежде я не ощущала себя сиротой, покуда не увидела, как король Франции обращается со своими дочерьми; и сейчас стесненно стояла поодаль, остро чувствуя себя чужой.

Франциск обвил рукой талию Маргариты и легонько ущипнул Мадлен за щечку, а затем одарил меня улыбкой.

– Как?! – воскликнул он с притворной суровостью. – Неужели сегодня нет уроков?

– Мы отослали Котомоля, – пояснила Маргарита. – Нам хотелось побыть с Екатериной.

– Котомоля, хм? И вы полагаете, что это прозвище достойно слуха вашей новой сестры?

– Уж сейчас-то она его все равно узнает, – отвечала Маргарита. – Зато потом сможет посвятить себя изучению Аристотеля и Плутарха, не удивляясь, почему от ее наставника пахнет затхлостью.

– Анна, любовь моя, ты это слышала? – Франциск расхохотался. – Она говорит, что от ее учителя дурно пахнет! Боже мой, ну и язычок у этой девчонки! Острее меча!

– Воистину так, – отозвался женский голос. – Сдается мне, что ее высочество – подлинная копия своего отца.

С этими словами из стайки женщин, которые впорхнули вслед за королем в классную комнату, шурша шлейфами и распространяя ароматы духов, выступила та самая дама в зеленом платье. Глаза у нее тоже были зеленые, как у кошки, пышные рыжие кудри перевиты жемчугами. Маргарита уже рассказала мне, кто она такая – Анна д'Эйли, герцогиня д'Этамп, фаворитка короля Франциска и в куда большей степени королева, нежели его законная супруга. Подойдя к королю, она приветствовала наклоном головы принцесс и лишь тогда устремила всю мощь своего взгляда на меня.

– И как поживает наша маленькая итальянка? Привыкает ли она к нашему образу жизни?

Я покосилась на короля. Он изогнул бровь, как бы говоря: «Смелей!»

– Мадам, я чувствую себя здесь как дома с самой первой минуты. – Судорожно сглотнув, я прямо взглянула в глаза его фаворитки. – Я люблю Францию.

– Вот как? – Пунцовые губы герцогини сложились в холодную улыбку. – Очаровательно. Нечасто Франции выпадает случай отвоевать кусочек Италии!

Я не знала, что на это ответить, и поспешно ретировалась к своему стулу, а король уселся вместе с дочерьми. Герцогиня направилась к своим спутницам и, проплывая мимо, пышными юбками задела мои ноги. От ее близости меня пробирала дрожь и теснило в груди. Она устроилась на банкетке, и женщины тотчас окружили ее. Их утомленные лица выражали гордость своей близостью к столь высокой особе. Взгляд герцогини праздно проскользил по комнате, затем остановился на мне, однако я не посмела вновь посмотреть ей в глаза.

– Анна, ты слышала? – внезапно воскликнул Франциск. – Мадлен говорит, Екатерина уже одолела Плутарха.

– В самом деле? – промурлыкала герцогиня. Ее манера превращать все сказанное в вопрос уже изрядно действовала мне на нервы. – Она, право же, весьма развитая особа. Надеюсь, ей не покажется, что здесь она тратит время зря.

– О нет, мадам! – вскричала я, удивив всех своей горячностью. – Вовсе нет!

Быть может, я испугалась, что герцогиня как-то воспрепятствует моим занятиям с принцессами, или же меня просто нервировал ее немигающий взгляд. Как бы то ни было, я задрожала с головы до ног; герцогиня окинула меня долгим испытующим взором и вдруг с пугающей решительностью поднялась с банкетки.

– Ваше величество, – сказала она, – полагаю, нам с герцогиней Орлеанской настала пора познакомиться поближе. Надеюсь, принцессам придется по душе прогулка по саду?

Герцогиней Орлеанской? Она, верно, хочет поговорить с одной из своих спутниц. Я поспешно встала, собираясь обратиться в бегство.

– Дорогая моя, куда же ты? – остановила меня зеленоглазая красотка. – Неужели забыла, что ты и есть герцогиня Орлеанская?

Я застыла. Все, кто был в комнате, гуськом вышли, оставив меня наедине с любовницей короля.

Она указала на банкетку, и я послушно села. Боже милостивый, что же я натворила? Чем я могла оскорбить ее?

– Их высочества от тебя в восторге, – начала герцогиня. – Похоже, ты мастерица заводить друзей.

– Их высочества просто... очень добры. Я... мне приятно их общество.

– И это естественно. Однако же, будучи замужней особой, ты должна также быть образцом нравственности. – Герцогиня оперлась о спинку стула, сверкнув великолепным изумрудным браслетом. – Понимаешь, о чем я говорю?

– Нет, мадам. – У меня пересохло во рту. – Неужели я чем-то вызвала неудовольствие его величества?

Герцогиня коротко рассмеялась. У нее был чарующий переливчатый смех.

– О нет, напротив! Король также от тебя в восторге. Можно сказать, ты его очаровала. Я же, с другой стороны... – Она вдруг резко встала и, шагнув ко мне вплотную, поддела ногтем мой подбородок. – Я не люблю соперниц, малютка.

– Но я... я вам не соперница, мадам! – Я недоуменно воззрилась на нее. – Разве такое возможно?

– Тебе почти пятнадцать. – Герцогиня махнула рукой. – В твоём возрасте меня уже считали опасной соблазнительницей.

– Но я не такая! Мне с вами никогда не сравниться.

Она поколебалась. Губы ее дрогнули в невольной улыбке, согревшей холодное лицо.

– Ты не понимаешь?

– Боюсь, что нет. – Я внутренне похолодела.

Герцогиня присела на банкетку рядом со мной, так близко, что я почуяла запах амбры, исходивший от ее шеи.

– Не понимаю, каким образом до тебя не дошли слухи, ведь сейчас при дворе только об этом и говорят. Болтают, что, поскольку муж тобой пренебрегает, ты стремишься завлечь в свою постель Франциска, дабы доказать, что он не зря выписал тебя во Францию.

– Да ведь он мой свекор! – Я задохнулась. – Я, конечно, люблю его, но... совсем не так. Это же... это было бы кровосмешение!

– Только если бы вы были в кровном родстве, – промурлыкала герцогиня и вдруг разительно переменилась.

Минуту назад она была пугающе холодна, теперь же на меня смотрела проказливая милая девочка с улыбкой на губах, в ореоле рыжих волос. Я поняла, почему король Франциск обожает ее.

Теперь она взирала на меня с неприкрытым любопытством.

– Я и вправду верю, что ты обладаешь тем, в чем тебе все отказывают, – невинностью. А меня, похоже, обманули. Я считала, ты хочешь отнять у меня Франциска. Заметь, это была бы не первая такая попытка.

Я не могла шелохнуться. Двор смеялся надо мной. Меня полагали заброшенной женой и вероломной распутницей. Обо мне сплетничали за моей спиной.

– О чем ты думаешь? – мягко спросила герцогиня.

Я отвела глаза. Голос не желал повиноваться. Я чувствовала себя простушкой перед этой искушенной дамой, хотя изнывала от желания излить ей свои горести.

– Понимаю, – вздохнула она. – Немного правды в этих слухах есть.

Она говорила с такой уверенностью, словно эта тайна была начертана у меня на лице, а потому я не решилась притворяться.

– Да, – прошептала я. – Генрих... пренебрегает мной.

– Ах, дорогая моя, но неужели тебя так уязвляет его равнодушие? Ты хочешь, чтобы он любил тебя, и обижаешься, что он так предан своему приятелю Гизу и этой своей ужасной любовнице?

– У него есть... любовница? – Внутри меня точно разверзлась бездна.

– Разумеется! – махнула рукой герцогиня. – Об этом все знают. Или, по крайней мере, мы так думаем, хотя в точности никому не известно, что за отношения их связывают. Какое-то время она была гувернанткой Генриха – после его возвращения из Испании ее пригласили ко двору обучать принца этикету. Какой ужасный скандал он устроил тогда Франциску! Корил отца за то, что тот отослал его в Испанию, да и сейчас не может этого простить, а Франциска это бесит. Итак, Франциск приставил ее к Генриху, чтобы тот научился как следует вести себя. Впрочем, когда Генриху исполнилось тринадцать, она сложила с себя эти обязанности и вернулась в свой замок Ане. Все считают, что Генрих до сих пор бывает там. Говорит, будто отправляется на охоту, но сколько же можно охотиться?

Меня бросило в жар. У Генриха есть любовница! Он меня одурачил. «В надлежащее время», – сказал он тогда в Марселе. В надлежащее время мы научимся жить как муж и жена. Неужели вот это он и имел в виду? Что я буду смиренно взирать на то, как он блудит со своей бывшей гувернанткой? Что я стану предметом омерзительных сплетен из-за того, что он превратил наш брак в посмешище?

– Я думала, что ты об этом знаешь, – прибавила герцогиня. – Юноши в возрасте Генриха нередко увлекаются женщинами много их старше, однако со временем подобная страсть угасает. Поверь, как только ты понесешь от него ребенка, он позабудет о своей зазнобе. Впрочем, – в голосе герцогини промелькнули злобные нотки, – к тому времени она в любом случае превратится в дряхлую каргу.

– Насколько же она старше Генриха? – Я оцепенела.

– О, ей не меньше сорока пяти. Надобно отдать ей должное, возраст она скрывает довольно искусно, но все же она вдова с двумя взрослыми дочерьми. Многие утверждают, будто она привлекательна; я же, хоть убей, не могу понять, что в ней привлекательного. Вечно одевается в черное, да еще носит этот уродливый чепец – статуя, бездушная мраморная статуя! Франциск говорит, что у нее вместо глаз монеты. Он не одобряет ее влияние на Генриха.

– Как ее зовут? – спросила я шепотом, боясь услышать ответ, как будто при звуке имени его хозяйка возникнет перед нами во плоти.

– Диана де Пуатье, вдова сенешаля Нормандии. Мы зовем ее Мадам Сенешаль. – Герцогиня выразительно изогнула бровь. – Полагаю, ты также не одобряешь этой связи?

– Не одобряю?! – вскричала я, не в силах сдержаться. – Еще бы! Он не имеет права так со мной поступать! Как могу я понести от него, если он все время проводит в постели своей любовницы?

Едва у меня вырвались эти слова, я тут же пожалела, что не могу взять их назад. Я оскорбила герцогиню. В конце концов, она тоже была любовницей короля.

Герцогиня долгое время задумчиво рассматривала меня, затем отрывисто и четко проговорила:

– Мужчины предаются распутству, а нам, женщинам, надлежит с этим смириться. Однако же никакому мужчине не следует распутствовать в ущерб супружескому долгу. Я, в отличие от нашей Мадам Сенешаль, всегда знала свое место. У короля есть дети, и больше ему не нужно; его брак с королевой Элеонорой заключен по чисто политическим мотивам. Однако же твой брак – иной случай. Будучи вторым наследником Франциска, Генрих обязан произвести на свет сыновей. Дольше так продолжаться не может. Боюсь, нам придется поговорить с его величеством.

– О нет, не надо! Умоляю! – Меня охватила паника. Казалось, все мое будущее зависит сейчас от того, сохраню ли я в тайне свою девственность. – Я не хочу, чтобы еще кто-то узнал... Это... это так унижительно!

– Почему же? Никто тебя в этом не винит.

Я постаралась взять себя в руки. В глубине души я подозревала, что у герцогини есть и свои причины не любить Мадам Сенешаль; возможно, она опасалась за собственное будущее, когда постареет и потеряет расположение короля. В любом случае я не намерена мириться с ролью беспомощной девственницы. Тем более что герцогиня, при ее влиятельности, могла бы оказать мне действенную поддержку.

– Не могли бы вы помочь мне каким-то иным образом? – расхрабрившись, спросила я. – Уверена, что, если нам с Генрихом выдастся возможность проводить какое-то время вместе, он постепенно поймет, что поступал неправильно.

Герцогиня помолчала, пристально разглядывая меня.

– Что ж, – сказала она наконец, – вполне вероятно, и поймет. А нам, женщинам, надлежит помогать друг дружке. – Герцогиня улыбнулась. – Начнем с того, что пошлем тебе новые наряды. Твое итальянское платье, безусловно, весьма оригинально, однако теперь ты должна выглядеть настоящей француженкой. Кроме того, я возьму тебя с собой на охоту, ты будешь почетным членом «маленьких разбойниц». Ты ведь умеешь ездить верхом?

– Да, конечно! – выпалила я. – Обожаю верховую езду!

Правду говоря, мне никогда еще не доводилось участвовать в охоте, однако я привезла с собой из Флоренции великолепное седло, кожаное, с позолотой, и полагала, что буду смотреться в нем весьма выгодно.

– Превосходно. Участие в охоте наверняка привлечет к тебе всеобщее внимание.

– А это хорошо? – робко спросила я, не уверенная, что мне следует стремиться именно к такому результату.

– Лучше и быть не может! – Герцогиня расхохоталась, тряхнув головой. – С тобой, дорогая моя, будет мадам д'Этамп, а уж она знает толк в том, как завлечь мужчину.

Таким образом я проникла в ближайшее окружение короля. На подготовку моих новых нарядов ушло несколько недель, а я тем временем ежедневно практиковалась в верховой езде – на смирной кобылке под флорентийским седлом. Кромка у него была выше, а стремена короче, чем у обычных французских седел, и это, по словам мадам д'Этамп, давало мне дополнительное преимущество: садясь на лошадь, нужно было подобрать юбки так, чтобы стали видны лодыжки.

– У тебя, дорогая моя, красивые ноги, – заметила она и мелодично рассмеялась, – а мужчины ценят возможность хотя бы мельком увидеть женскую ножку.

Думаю, ей доставляло удовольствие школить меня, заботясь таким образом о благе короля.

И вот настал день, когда я вместе с «маленькими разбойницами» отправилась на охоту.

Само это предприятие мне не понравилось. Собаки непрерывно лаяли, мужчины слишком много пили и слишком быстро пьянели, женщины наперебой старались привлечь их внимание. Не порадовал меня и забой дичи, ибо пресловутая «королевская охота» на деле была всего лишь организованной бойней: конюхи растягивали сети кольцом, а загонщики принимались молотить длинными палками по кустам. Вспугнутая дичь – перепелки, фазаны, кролики – попадала прямо в сети, где их осыпала копьями и стрелами толпа ликующих дам. Предсмертные крики животных, кровь, обильно лившаяся на землю, вызывали у меня тошноту; я не понимала, как такие утонченные во всех прочих отношениях люди могут находить удовольствие в подобном зверстве. Сама я предпочла бы бок о бок с королем честно гнать оленя или вепря, но женщинам такое не позволялось, хотя во флорентийском седле я

могла скакать так же долго и быстро, как всякий мужчина. Обыкновенно охота длилась по многу часов, так что мои руки и ягодицы бывали стерты в кровь; однако я, не обращая на это внимания, усердно совершенствовалась в верховой езде, пока прочие женщины тешили свою кровожадность.

И вот как-то утром я дала шпоры кобылке и поскакала вдогонку за королем. Наградой мне, когда я нагнала мужчин, стало безмерное удивление Франциска и неодобрительные взгляды его спутников.

– Позвольте мне сегодня поехать с вами, – сказала я.

– Надеюсь, ты умеешь обращаться с луком и стрелами. – Пристально посмотрев на меня, король кивнул и пришпорил жеребца.

Под залиvistый лай гончих, которые почуяли добычу, я поскакала за Франциском, наслаждаясь видом мелькающих мимо деревьев. Низко растущая ветка зацепилась за мою шапочку и сорвала с ее головы, я громко рассмеялась. Пригнувшись к мускулистой шее кобылки, я подгоняла ее, исполненная решимости ни на шаг не отстать от прочих. И вот на краю прогалины я увидела молодую лань, которую загнали собаки. Прижав уши к точеной головке, округлив от ужаса выразительные глаза, она отбивалась копытами от кружащих вокруг нее псов.

Франциск поманил меня. Спутники его, удерживая взмыленных скакунов, глазели с откровенным презрением.

– Она твоя, – промолвил король. – Даруй ей достойную смерть.

Я встретила с ним взглядом. Мне не хотелось убивать это животное, которое так отчаянно сражалось за жизнь, и все внутри меня противилось этому, однако я подняла лук и наложила стрелу. Дождалась, покуда лань вскинется на дыбы, стремясь увернуться от прыгнувшего пса, зажмурилась и пустила стрелу. Мужчины ахнули в один голос. Напряженную тишину нарушили крики псарей, которые осаживали разгоряченных собак. Открыв глаза, я увидела, что лань лежит мертвая и в груди у нее торчит моя стрела.

Я обернулась к Франциску, и тот жестом велел мне спешиться. Отрезав правое ухо лани, он провел кровоточащим краем по моей щеке, измазав ее теплой еще кровью, а затем вручил мне этот трофей.

– Хотя ты и жалела ее, – проговорил он, – но колебаться не стала. Такова жизнь, малышка. Порой приходится первым нанести удар, не дожидаясь, пока ударят тебя.

И, буйно расхохотавшись, повернулся к своим спутникам:

– Нынче моя невестка доказала, что я могу ею гордиться! Она охотница не хуже мужчины и, думаю, лучше, чем некоторые из вас.

Те поддержали его неискренним смехом, а я сияла от счастья. В тот день я вернулась в замок бок о бок с королем, на щеке моей красовалась подсохшая кровь убитой лани, а в кошеле у пояса лежало ее ухо. К тому времени уже все придворные собрались во внутреннем дворе. Я улыбнулась, заметив изумление на лицах дам, когда они увидели меня скачущей рядом с королем Франциском и разглядели на моем лице кровавую отметину охотничьей удачи. Теперь им действительно было о чем посплетничать, хотя я была не настолько наивна, чтобы отныне уверовать в свою безопасность. Пускай я получила право охотиться вместе с королем, но все же оставалась бездетной супругой, а Генрих был вторым после дофина наследником трона.

Я должна была родить сыновей, дабы обеспечить продолжение династии Валуа. Если я потерплю неудачу, то буду обречена на гибель, как та лань, чью жизнь отняла на сегодняшней охоте.

А потому я стремилась как можно чаще быть на виду, надеясь, что, если и впредь буду привлекать внимание двора, кто-нибудь из вездесущих сплетников уведомит Генриха, что его супруга герцогиня становится популярной особой. Я заманивала Маргариту в галереи,

залы, сады, и в их изобильной роскоши мы просиживали часами, окруженные стайкой фрейлин.

Миновала неделя, другая, а от Генриха не было вестей. Я начинала чувствовать себя дурой, разряженной в пух и прах, но так и не добившейся желаемого. Мне было бы легче убить еще тысячу ланей, нежели сносить внимание дам, которые приветствовали меня с хищной улыбкой, и учтивые поклоны кавалеров. Все они, без сомнения, за моей спиной шептались, что эта Медичи лезет вон из кожи, лишь бы доказать, что она здесь своя. Пускай я и заняла почетное место среди «маленьких разбойниц», но все же оставалась чужеземкой, которой посчастливилось залучить в сети принца, да и тот предпочитает общество своей любовницы.

Именно тогда в моем сердце зародилась ненависть к Диане де Пуатье. Я еще даже в глаза ее не видела, но если б увидела, то непременно подлила бы в ее кубок снадобья из склянки Руджиери. Эта женщина осквернила мою новую жизнь, превратила ее в нечто ужасное, а у меня не было никакого способа разрушить ее козни.

Как-то днем, после обеда я, как обычно, сидела в своем громоздком пышном наряде, держа в руках книгу, присланную из Флоренции, и притворяясь под колкими взглядами придворных, что всецело поглощена чтением. И вдруг осознала, что больше этого не вынесу. Я резко встала.

Маргарита тут же повернулась ко мне.

– Екатерина, тебе дурно? – участливо спросила она, хотя косилась на подходивших к нам придворных – из той породы людей, которых она обожала вовлекать в светский разговор, чтобы блеснуть превосходством своего ума.

– Просто не сидится, вот и все. Пойду, пожалуй, прогуляюсь.

Она привстала было, но я ее остановила:

– Нельзя разочаровывать твоих друзей. Они будут безутешны, если ты сейчас уйдешь, так и не подавив их величием своей учености.

– Ты уверена, что... – Маргарита улыбнулась с довольным видом.

– Безусловно! – перебила я и направилась к дальним дверям галереи настолько быстро, насколько позволял жесткий бархат тяжелых юбок.

Едва скрывшись из виду, я сдернула двурогий чепец, расшитый крупным жемчугом, сорвала накрахмаленные брыжи и отшвырнула их прочь, не заботясь о том, что все это стоило изрядных денег. Затем расстегнула кружевной воротник с серебряной каймой, освободила волосы из плена тончайшей сеточки и тряхнула головой, позволяя им рассыпаться по плечам. Сунув книгу в карман, я решительно направилась к террасе.

Покой и тишина – вот и все, что мне сейчас было нужно, черти бы побрали мое неверное будущее!

Обогнув искусственное озеро, я углубилась в неухоженную часть дворцовых угодий. Аккуратно подстриженные клумбы сменились беспорядочной вольницей каштанов, ив и папоротника. Тропинки, причудливо извивавшиеся в буйной зелени, пестрели пятнами солнечного света. Слышалось пение птиц, шорох листьев; один раз огненной молнией мимо пролетела спугнутая лисица. Я и позабыла, как прекрасна французская земля за пределами вычурного великолепия двора.

Когда-то мы с Маргаритой уже бродили здесь, и теперь я стала искать полянку, которую мы обнаружили во время своей вылазки, заросшую сочной густой травой. Мне подумалось, что я могла бы полежать там немного и почитать; однако, судя по всему, я где-то свернула не туда, потому что оказалась в буковой рощице. Фонтенбло не был обнесен стенами, и ничто не мешало мне заблудиться, поэтому я остановилась.

И тут заметила, что впереди между деревьев идет человек.

Он был одет в кремовый камзол, кожаные штаны и сапоги для верховой езды, доходившие до бедер. Он был без шляпы, и ветерок ерошил густые каштаново-рыжие волосы. Опустив голову и сцепив руки за спиной, он был так погружен в собственные мысли, что я сделала было шаг назад, не желая беспокоить его. Под моей ногой хрустнула сухая ветка, и в лесной тишине этот звук раздался неестественно громко.

Человек замер, потом обернулся. С минуту мы молча смотрели друг на друга, а затем он поклонился. Сердце мое дрогнуло от радости: это был старший племянник коннетабля, Гаспар де Колиньи.

Мы двинулись навстречу друг другу. Я не видела Гаспара де Колиньи со дня своей свадьбы, но хорошо помнила его, и мне пришло на ум, что наша случайная встреча, найдись у нее нежеланный свидетель, может быть дурно истолкована привычным к разнузданности нравов двором. Я пожала плечами. Кто нас тут увидит? А если и увидит – быть может, сплетни дойдут до ушей Генриха и заденут его за живое. При всем своем пренебрежении мной вряд ли он захочет, чтобы двор болтал, будто его супруга завела привычку гулять наедине с мужчинами.

– Простите, ваше высочество, если я вас побеспокоил, – проговорил Колиньи.

Голос у него был низкий, но негромкий; безыскусный наряд и едва пробивающаяся борода приятно поразили меня отсутствием вычурности, что столько редко при дворе.

– О, вы меня вовсе не побеспокоили, – отозвалась я, и собственный голос показался мне слегка неестественным. – Напротив, я рада вас видеть. Я думала, что сбилась с пути.

И под пронизательным взглядом голубых глаз Колиньи я внезапно вспомнила, что волосы у меня распущены, а воротничок расстегнут. Жаркая волна прилила к моим щекам.

– Я уже опасалась заблудиться в лесу, – прибавила я, рассмеявшись. – Наверное, повернула не в ту сторону.

– Вы в нескольких шагах от замковых садов. – Колиньи мягко улыбнулся. – С этой стороны Фонтенбло леса почти не осталось. Его едва ли не весь вырубили, когда строили большую галерею его величества.

– Ту, в которой висят итальянские полотна? О, как жаль... хотя галерея очень красивая.

Он согласился с этим, но я поняла, что племянник коннетабля не разделяет пристрастия короля к живописи. После этих слов воцарилось молчание, но я не чувствовала неловкости. Скорее общество Колиньи было мне приятно, как будто мы знали друг друга целую вечность, а потому не нуждались в пустой болтовне.

– Всякий раз, бывая при дворе, я стараюсь прийти сюда, чтобы подумать на досуге, – проговорил он наконец. – Я только что прибыл, но уже устал от многолюдья и шума. Мне это непривычно.

В самом деле, до сих пор я ни разу не видела его при дворе.

– Так вы нечасто появляетесь здесь?

– После смерти отца на мои плечи легли обязанности синьора де Шатильона, а их немало. – Колиньи кивнул. – Правда, мой дядя, коннетабль, мечтает, чтобы я обосновался здесь и приумножал славу нашего рода, как надлежит сыновьям благородных семейств.

– Я сожалею, что вы потеряли отца.

– Благодарю, ваше высочество. – Гаспар склонил голову. – Он был хорошим отцом. Я и поныне оплакиваю его.

– Но вам посчастливилось его знать! Мои родители умерли почти в то же время, как я появилась на свет, и мне так и не довелось почувствовать их любовь.

Наступило молчание, и я поспешно отвела взгляд. Что толкнуло меня так откровенничать с человеком едва знакомым, пускай даже он и был добр ко мне?

– Я слышал об испытаниях, которые вам довелось перенести в Италии, – негромко проговорил Колиньи. – Вы воистину отважны, ваше высочество, если сумели столько выдержать

в таком юном возрасте. Наверняка нелегко было после всего пережитого покинуть родной край и отправиться на чужбину.

– Неужели это так заметно? – Я обернулась к нему.

– Для тех, кто умеет видеть. – Колиньи улыбнулся. – Не тревожьтесь, ваше высочество. Полагаю, при дворе весьма немногие способны заметить хоть что-то, кроме собственных эгоистических интересов.

– Екатерина, – сказала я. – Пожалуйста, называйте меня Екатериной.

– Для меня это большая честь. – Колиньи предложил мне руку. – Вы позволите сопроводить вас в сады?

Я взяла его под руку. Пальцы мои ощутили под рукавом камзола тугое переплетение мускулов, и безмерная благодарность охватила меня. Мы вместе двинулись к замку. Под ногами шуршала опавшая листва, устилавшая глинистую землю; на ходу Колиньи указал мне на ярко-алую птичку-кардинала, и в его внимательном взгляде я прочла искреннее восхищение природой. Мне захотелось чем-нибудь поделиться с этим человеком, и я достала из кармана книгу.

– Мне привезли ее на прошлой неделе из Флоренции. Не правда ли, переплет великолепен? Нигде больше не умеют так изысканно переплести книги, как в моем родном городе. Этот экземпляр изготовлен специально для нашей семьи.

Колиньи взял изящный томик с золотым обрезом, переплетенный в красную телячью кожу. То, как бережно он открывал книгу, само по себе говорило о его образованности. И тем не менее я была поражена, когда он произнес:

– Эта книга мне знакома. Она была написана для вашего прадеда, Лоренцо Великолепного.

– Верно! Макиавелли посвятил свой трактат ему. Флорентийская гильдия печатников переплела этот том, а затем преподнесла в дар моему прадеду. Откуда вы это знаете?

– «Государь» пользуется известностью даже здесь, во Франции. Я перечел эту книгу несколько раз. – Колиньи встретился со мной взглядом. – «По этому поводу может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх»⁸.

– Вы знаете все на память! – восхитилась я.

– Трактат Макиавелли почитается одним из наиболее поучительных трудов о том, как должно держать себя человеку, стоящему у власти. – Колиньи вернул мне книгу. – Вы понимаете, о чем он ведет речь?

– Думаю, да. – Я кивнула. – Нечто подобное я услышала недавно от его величества. Он сказал: «Такова жизнь. Порой приходится первым нанести удар, не дожидаясь, пока ударят тебя». Однако я думаю, лучше все же отыскать компромисс или же, как сказал бы Макиавелли, «чтобы государя любили».

– Воистину так. – Голос Колиньи посуровел. – Вот она, мудрость. Хотел бы я, чтобы его величество был того же мнения о тех своих подданных, кто наиболее заслуживает его уважения.

Повеяло прохладой. Деревья вокруг поредели, уступая место ухоженным дорожкам и декоративным лужайкам.

– Боюсь, я не слишком хорошо понимаю, что вы имеете в виду, – проговорила я, не зная, пристало ли мне обсуждать с этим человеком поведение короля, моего свекра.

– Вы слышали о выступлениях в Париже? – Колиньи нахмурился.

⁸ Макиавелли Н. Государь. Перевод Г. Муравьевой.

– Нет. Двор пока еще не был в Париже. Мне говорили, что король не хочет туда перебираться.

– Ничего удивительного. Понимаете ли, его подданные-гугеноты требуют права быть выслушанными перед королевским советом, так как власти в последнее время нередко арестовывали их за ввоз в страну запрещенных книг.

– Гугеноты? – эхом повторила я.

До сих пор мне доводилось лишь мельком слышать при дворе это слово.

– Да. Протестанты, последователи Жана Кальвина. До недавнего времени его величество предпочитал не замечать их существования. Опасаюсь, однако, что стремительно приближается время, когда он уже будет вынужден брать их в расчет.

– Вы говорите о еретиках. – Я остановилась, крепче сжав в руках книгу.

Меня охватила тревога. Я не ожидала, что наш разговор примет такое направление. До сих пор самым скандальным явлением, с которым я сталкивалась, была привязанность моего мужа к любовнице; и внезапно я осознала, что пребывала в блаженном неведении, какие темные воды бурлят под самыми моими ногами.

– Не все во Франции считают их таковыми, – заметил Колиньи. И, сделав паузу, прибавил с невеселым смешком: – Если бы сейчас меня слышал мой дядя, он бы содрал с меня кожу заживо.

– Неужели вы...

Я не представляла, что сделаю, если Колиньи признается, что он – гугенот. Никогда прежде мне не приходилось видеть живого еретика. Мне доводилось слышать, что это, дескать, бесноватые фанатики, которые плюют на наши статуи святых, оскверняют церкви и причиняют нескончаемые неприятности Риму. Я всю жизнь была католичкой, но все же не могла с уверенностью сказать, что мне следует ненавидеть этих так называемых еретиков с такой истовостью, как велит Церковь. Уж кому, как не мне, знать, что наша Церковь тоже не без греха!

– Нет, вовсе нет! – проговорил Колиньи с искренним пылом, который отличал его от придворных кавалеров даже сильнее, нежели безыскусный наряд. – Однако же все мы созданы по образу и подобию Божию, и всякому должно быть дозволено на свой лад искать пути к Нему.

– Церковь говорит, что есть только один путь к Господу, – возразила я. – Неужели вы станете прекословить самому Риму?

– Рим не понимает нынешнего мира и цепляется за отмирающие традиции. – Колиньи напряженно взглянул на меня. – Вы считаете, у этих людей нет души? Считаете, мы вправе подвергать их гонениям только потому, что они иначе молятся Господу?

Слова его что-то пробудили во мне. Правду говоря, я обо всем этом никогда прежде не задумывалась.

– Церковь утверждает, что животные не обладают душой, – осторожно проговорила я. – И то же самое говорится о еретиках.

– Стало быть, вам не довелось видеть, как человек горит на костре. Видели бы, уж, верно, не усомнились бы, что у него есть душа! – Колиньи осекся и помолчал. – Надеюсь, я не оскорбил вас. Я сердцем почувствовал, что должен быть с вами искренен.

– Нет, напротив, я вам благодарна. Это был в высшей степени поучительный разговор.

– И, смею надеяться, не последний. – Он улыбнулся. – Впрочем, я бы предложил сохранить его в тайне. Большинство тех, кто состоит при дворе, не отнеслось бы с пониманием к теме нашей беседы.

– О да, разумеется! – отозвалась я и вновь взяла его под руку, наслаждаясь тем, что нас теперь связывает тайна.

Мы вошли в замковые сады: у фонтанов мелькали во множестве красочные пятна, сверкали бесчисленные драгоценности, а это означало, что двор выбрался на вечернюю прогулку. Маргарита, окруженная блестящими кавалерами и дамами, тотчас заметила меня и поспешила к нам.

– Я встретился с ее высочеством, и она попросила сопровождать ее. – Колиньи поклонился. – Прошу прощения, если мы дали повод для беспокойства.

Маргарита одарила его пронзительным взглядом.

– В таком случае мы должны быть вам весьма признательны.

Она была не на шутку обеспокоена, что для нее было крайне необычно.

– Благодарю, сударь. – Я протянула руку Колиньи. – Надеюсь, мы вскоре еще увидимся.

Колиньи поднес мою руку к губам. Его учтивый поцелуй был холоден, едва отросшая борода щекокнула мою кожу.

– Ты провела наедине с ним больше часа! – Маргарита торопливо повела меня прочь. – Я тебя повсюду искала! Сегодня вечером пир. Пойдем, нам нельзя опаздывать!

Впервые я почти не слушала ее. Колиньи заставил меня позабыть о горестях, пробудил интерес к иным, более серьезным проблемам. Мне отчаянно хотелось продолжить наш разговор, целиком погрузиться в глубину его мыслей, и я невольно оглянулась. Он стоял недвижно, одинокий и чужой в толпе придворных. Внезапно я ощутила в груди пустоту, словно потеряла нечто очень важное, и невольно задумалась: суждено ли нам свидеться когда-нибудь еще?

Вечером, покуда мы подчищали одно блюдо за другим, я тайком поглядывала на Франциска, сидевшего на троне и погруженного в невеселые размышления. Придворные веселились от души, пили, плясали и сплетничали, разодетые в пух и прах, равнодушные ко всему, кроме собственных удовольствий.

Обыкновенно король, сопровождаемый герцогиней, предавался веселью вместе с ними, щедро рассыпал остроты и заигрывал с дамами, однако сегодня он словно не замечал своих придворных, и мне поневоле припомнились слова Колиньи. Гадая, уж не ухудшилось ли положение в Париже, я обшаривала взглядом толпу, словно выискивала гугенота. На кого похожи эти люди? Можно ли распознать их по одежде или манерам? Мне представлялось, что гугеноты носят только черное и, выставляя свои требования королю, угрожающе размахивают своими запрещенными книгами. Если в Париже этих еретиков так много, наверняка они должны быть и здесь, среди нас. Завороженная этой мыслью, я страстно желала увидеть наконец этих диких людей, само существование которых открыло мне, что в краю, который я назвала своим домом, существуют не только богатство и праздность.

И тут я увидела своего супруга. В сапогах, в заляпанном грязью камзоле он шагнул к помосту, где неподалеку от меня сидел король.

– Вы желали меня видеть, ваше величество? – услышала я его голос.

Лицо Франциска исказилось яростью.

– Как ты смеешь являться ко мне, воняя конским потом? – проревел он. – Убирайся! Вымойся, а потом посети свою жену. Пойди к ней сегодня же, или я не знаю, что сделаю! Богом клянусь!

Все мысли о еретиках тотчас вылетели из головы. Генрих метнул обвиняющий взгляд в мою сторону и стремительно зашагал прочь; я чувствовала себя так, будто на меня рухнул потолок. Герцогиня поцокала языком. Я перехватила ее взгляд, и она пожала плечами, как бы извиняясь. Придворные начали шептаться; по залу волнами раскатились скабрезные смешки, все взгляды устремились на меня. При первой же возможности я испросила разрешения удалиться.

Той ночью, впервые после свадебной, Генрих пришел в мои покои. Сколько сил было мной истрачено, чтобы этого добиться, но когда мой супруг появился в спальне – в белой просторной сорочке, оттенявшей бледность его лица, с черными волосами, жесткой волной ниспадавшими на воротник, – я не сумела произнести ни слова.

– Это ты ему рассказала? – Генрих в упор взглянул на меня.

– Нет. – Я помотала головой. – Его величество...

– Его величество может отправляться ко всем чертям. Ложись. Пора покончить с этим унижительным делом.

Я отошла к кровати и легла. Мне было страшно. Наконец-то Генрих пришел ко мне, чтобы исполнить супружеский долг. Я столько ждала этого, столько работала над собой, но едва подавила желание отвести взгляд, когда он расстегнул сорочку, выставив на обозрение напряженный мужской орган.

– Подними ее, – велел Генрих, ткнув пальцем в мою ночную сорочку.

Я повиновалась, холодея от страха. Он опустился на колени между моих ног и грубо раздвинул их. Потом вошел в меня, не говоря ни слова.

Я стиснула губы, едва не закричав от жгучей боли, и пошире расставила ноги. При этом я старалась вспомнить виденное у озера, где любовники наслаждались друг другом, отыскать хотя бы подобие удовольствия в этом вынужденном, бездушном совокуплении, в размеренных движениях его органа, безжалостно молотившего мою плоть.

Боль была почти нестерпима. Мне не верилось, что кто-то в здравом уме добровольно станет подвергаться таким пыткам... Но тут Генрих задвигался резче и чаще, а затем шумно выдохнул и замер. Я еще лежала, оглушенная, распятая на кровати, чувствуя, как что-то теплое и липкое вытекает между ног, а он уже застегнул сорочку и вышел. С грохотом захлопнулась дверь.

Я села на кровати и вынудила себя взглянуть на простыни. Белое семя Генриха перемешалось на них с моей кровью. Отвращение охватило меня; я почувствовала себя изнасилованной. Ни за что на свете я не хотела пережить подобное еще раз.

И все же, с трудом поднявшись на ноги и бредя к умывальному тазу, я отчетливо понимала, что выбора у меня нет. Семя Генриха должно попасть внутрь меня, так сказала Лукреция. Это единственный способ понести дитя.

Несмотря на страдания и боль, я все же сумела отдать законному супругу свою девственность.

Но не более.

Глава 8

С наступлением осени мы отправились в Сен-Жерменский дворец, располагавшийся в предместье Парижа. Выстроенный из красного кирпича, украшенный по фасаду каменными панелями с эмблемой короля – саламандрой среди пламени, – дворец этот был гораздо меньше Фонтенбло и куда суровее с виду, так что я понимала, почему Франциск предпочитает изящный замок в долине Луары. Я с нетерпением ждала, когда наконец окажусь в Париже. Мне многое доводилось слышать о чудесах этого города, знаменитого предметами роскоши, которые купцы доставляли туда со всего света. Надеюсь отыскать там клинок толедской стали, чтобы подарить его Франциску на Рождество, я поделилась с принцессами идеей выбраться на парижский рынок.

– Папочка запретил нам покидать дворец. – Мадлен только вздохнула. – Он говорит, в городе небезопасно.

– Подумаешь! – фыркнула Маргарита. – Папочка просто злится, потому что ему приходится целыми днями просиживать в Совете, вместо того чтобы выезжать на охоту или заниматься строительством. Я считаю, что это прекрасная мысль. Переоденемся, чтобы нас не узнали, и никто даже не заметит нашего отсутствия.

– Лучше попросить купцов, чтобы сами явились во дворец, – возразила Мадлен. – Они доставят сюда наилучшие товары, а нам не придется толкаться в пыли и грязи, словно простолудинкам.

– Да здесь все будет втрое дороже! – Маргарита выразительно закатила глаза. – А к тому же весь двор узнает, что Екатерина купила для папочки меч, еще прежде, чем она заплатит за покупку.

– Не знаю, право, – пробормотала Мадлен, поежившись. – Мало ли что может случиться.

– Ну так оставайся, но только не вздумай нас выдать!

Вдвоем с Маргаритой мы составили план и решили ускользнуть после занятий, в тот час, когда обычно играли на музыкальных инструментах либо развлекались настольными играми. Утром я никак не могла заставить себя слушать наставника, и Маргарита, следившая за мной поверх книги, едва сдерживала смех. Плащи, уличные башмаки и кошелек мы запрятали в банкетке. Наше приключение было подготовлено на славу.

Вдруг дверь распахнулась, и в классную комнату вошла герцогиня д'Этамп. Наставник поперхнулся на полуслове. Принцессы и я встали.

– Его величество приказал всем удалиться в свои комнаты, – заявила герцогиня. – Дворец окружен стражей. Никто не может ни войти, ни выйти до последующих распоряжений.

Говорила она вполне спокойно, однако я никогда прежде не видела ее такой бледной. Мы собрали учебные принадлежности и двинулись к выходу, но у самой двери герцогиня остановила меня:

– Нет, Екатерина, подожди. Король желает видеть тебя сию минуту.

Мадлен и Маргарита опасливо глянули на меня, и в этот миг мне стало по-настоящему страшно. Что же произошло, если король окружил дворец стражей и потребовал меня немедленно к себе?

По пути к королевским покоям мы миновали придворных, которые, жарко перешептываясь, теснились в нишах коридоров. Все старательно избегали моего взгляда, и страх, охвативший меня, нарастал с каждым шагом.

– Мадам, – пролепетала я, – что я натворила?

Неужели дело в моем браке? А вдруг Франциску надоело, что Генрих пренебрегает мной, и он решил отослать меня прочь? Такого исхода я страшилась уже несколько меся-

цев и теперь затаила дыхание, когда герцогиня запустила руку в складки платья и извлекла измятый, пахнувший дешевыми чернилами листок.

«Кошунства папской мессы, – прочла я, – сотворенные во искажение святой Тайной вечери Христовой: Римская церковь и священники ее суть идолопоклонники, отрицающие вероучение Спасителя. Сожигайте же своих языческих идолов, а не почитающих истину Господа нашего Иисуса Христа».

Я подняла взгляд на герцогиню.

– Это гугенотский памфлет, – поморщившись, пояснила та. – Прошлой ночью, пока все спали, эти еретики дерзнули разбросать свои листовки по всему дворцу. Должно быть, они подкупили тех слуг, которые разделяют их ложную веру; эти памфлеты Франциск обнаружил даже в своей спальне. Он в ярости. На прошлой неделе он вынужден был отдать приказ об аресте двадцати четырех гугенотов, которых застигли за печатанием «Установлений» Жана Кальвина. Вот почему нам пришлось перебраться в это чумное гнездо под названием Париж: Франциск должен наглядным примером показать, что во Франции не потерпят ереси.

Итак, все вышло, как предсказывал Колиньи: короля вынудили признать существование того, чего он так долго старался не замечать. Очевидно, при дворе есть гугеноты. Наивны были мои надежды распознать их по внешнему виду: они, должно быть, стараются не бросаться в глаза, держат свою веру в тайне, но их здесь немало – вполне достаточно, чтобы распространить эти памфлеты. Я по-прежнему не знала, как относиться к этим людям, но совершенно точно не хотела, чтобы их поступки выводили короля из равновесия или чтобы их вера нарушала покой страны.

– Его заставили действовать вопреки желанию, – продолжала герцогиня. – Бедняга, он всегда предпочитал перед Римом делать вид, будто страна едина и протестантов не существует. – Она вздохнула. – Все это так неприятно! Не понимаю, право, чего они думают добиться такими вызывающими действиями. Впрочем, их собратья-лютеране ничем не лучше. Во всех владениях Габсбургов, от Нидерландов до Германии, царит хаос – и все из-за этой так называемой «новой веры».

– Но ведь это всего лишь памфлет! – вырвалось у меня. – Бумага, чернила и ничего более. Его величество должен понять, что такой пустяк не может быть опасен, и...

– Екатерина, только не вздумай вмешиваться! – прервала меня герцогиня, подавшись ближе. – Франциску нужно остыть, а у тебя есть куда более важные причины для беспокойства. – Она помолчала, стараясь заглянуть мне в глаза. – Пришли известия, что умер его святейшество, твой дядя.

Я выслушала эту новость в молчании. Итак, папа Климент мертв. Мне надлежало испытывать скорбь, ведь он, как-никак, был последней нитью, которая связывала меня с прошлым. Но единственное, что я на самом деле ощущала, – облегчение. Теперь я свободна. Никогда больше мне не придется быть орудием его хитроумных замыслов, куклой в его руках. Теперь я смогу стать настоящей француженкой, принять всей душой и сердцем судьбу, которую сама для себя уготовила.

– Я знаю, дорогая моя, как тебе сейчас нелегко, – услышала я голос герцогини. – Твой дядя скончался, оставив тебя нищей, без приданого.

– Приданого? – ошеломленно повторила я. – Разве король не получил его после моей свадьбы?

– Нет, твой дядя обещал многое, однако так и не подписал документов, которые давали бы Франциску исключительные права на Милан. – Герцогиня вздохнула. – Я бы и хотела помочь тебе, но боюсь, что с этой бедой ты должна справиться сама. Только ты теперь сможешь спасти себя.

Я подняла глаза и встретила с ней взглядом. Час, которого я так страшилась, настал, и мне надлежит быть мужественной. Я вспомнила осаду Флоренции, вспомнила, как боролась

за жизнь после того, как меня разлучили с тетушкой, и вопреки всему выжила. Я выстояла тогда, смогу выстоять и теперь. И все же я дрожала всем телом, когда герцогиня молча вела меня по коридорам к дубовой двустворчатой двери в личные покои Франциска.

Я вошла в кабинет. Занавеси были задернуты, и оттого в комнате было сумеречно; но даже в этом полумраке я различила, что король выглядит осунувшимся. Неприятности и тяготы минувших недель оставили на нем неизгладимый отпечаток.

– Сядь, дитя мое. – Он указал на кресло.

– Ваше величество, я знаю, что мой дядя вас обманул, – повинуюсь внезапному порыву, тихо проговорила я. – Мне нечем оправдать его поступок и нечем возместить ущерб, им причиненный. Ваше величество, я молю о прощении за то, что вероломство моего кровного родича осквернило то безмерное доверие, которым вы одарили меня.

Король молчал, глядя на меня. Затем решительным шагом пересек комнату, обхватил ладонью мой подбородок и, приподняв лицо, пристально взглянул мне в глаза.

– Многие при дворе говорят, что я взял тебя нагой, как дитя, что в обмен на пустые обещания лжеца Медичи я обременил своего сына нежеребой кобылкой.

Франциск произнес эти слова без тени яда или злобы, просто подтверждая очевидное, однако они вонзились в мое сердце, словно острые шипы. Но я не дрогнула.

– Они ошибаются. – Я ответила таким же прямым взглядом. – Быть может, вы и вправду взяли меня нагой, как в час рождения, однако любовь, которую я к вам питаю, дороже каких угодно сокровищ. Я предпочла бы умереть, нежели увидеть вас или Францию в беде.

С минуту король не шевелился, а затем издал негромкий горловой смешок.

– Да, я знаю, что, если бы это зависело от тебя, ты преподнесла бы мне на блюде всю Италию.

– Так и есть. Но поскольку я не могу этого сделать, то не стану обманывать ваши надежды. Что бы ни случилось, я рожу вам внуков!

Бледные губы короля тронула слабая улыбка. Он погладил меня по щеке, и в его близости, в нежности, с которой его пальцы касались моего лица, во внезапно увлажнившихся глазах – во всем этом было нечто, пронзившее меня, точно удар молнии.

– Ах, дитя мое, – прошептал он, – какую радость мы могли бы подарить друг другу! Как жестоко подшутила судьба, сведя нас вместе лишь сейчас, когда мою голову вот-вот убелит зимняя седина, а ты едва вступаешь в расцвет своей весны.

Я не отвела глаз. Я посмотрела на его увядшее лицо, седые волосы, белевшие в бороде, а затем сама протянула руку и коснулась его щеки.

– Подшутила ли, нет ли, – мягко проговорила я, – но даже судьбе не под силу удержать нас вдали друг от друга. Я здесь, мой король... и здесь я желаю остаться.

– Ах, милая моя Екатерина! – Франциск заключил меня в объятия. – Твой дядя бессовестно обошелся с нами обоими, однако ты права: он, по крайней мере, свел нас вместе. Я бы тебя ни на что не променял, даже на Милан... Упаси меня боже от подобного выбора! – добавил он, опять едва слышно рассмеявшись, и отступил. – Не бойся. Покуда я жив, для тебя в этом краю всегда найдется место.

Ослабев от облегчения, я припала к его груди и прошептала:

– Я не забуду своего обещания!

– Знаю. Есть много способов достичь желанной цели. Помни об этом, малышка, и добьешься своего.

Вскоре после Великого поста меня ожидала несказанная радость – прибыли братья Руджиери, которые ранее прислали мне письмо со слезной просьбой помочь им бежать из Флоренции. Я отправила им деньги и надежную охрану и радушно приняла гостей в своих покоях, в окружении дам-итальянок. Радостные восклицания, слезы, объятия и жадные рас-

спросы лучше любых слов говорили о том, как я и мои подруги истосковались по родине, – прибытие соотечественников обернулось настоящим праздником.

Восемнадцатилетний Карло стал крепким юношей, закаленным испытаниями. Он выглядел более здоровым, чем Козимо, которому никак нельзя было дать его тринадцати. Он был так измучен путешествием, что, едва выпив чашку бульона, свернулся калачиком на моей кровати и заснул крепким сном.

Мои фрейлины состряпали ужин из тосканского сыра, сиенских оливок и вина, которые братья Руджиери привезли в подарок. За едой я спросила Карло, что творится сейчас во Флоренции.

– Флорентийцы весьма благосклонно отзываются о вас, госпожа. Они говорят, что своим величием и высоким положением во Франции вы вернули былую славу имени Медичи.

Слова эти согрели мое сердце. В Италии я не оставила никого и ничего, но приятно было знать, что итальянцы меня не забыли.

– Ты чего-то недоговариваешь, – мягко проговорила я, заметив, что Карло опустил глаза. – В чем дело? Можешь мне довериться.

– Дело в Козимо. Ему слишком много довелось пережить. Когда отец во время осады заболел и умер, Козимо был вне себя от горя. Я опасался, что он так и не оправится.

Я печально кивнула, припомнив старого Маэстро, каким видела его в последний раз в мансарде, служившей ему кабинетом, окруженного всем необходимым для близких его сердцу занятий. Смерть его оборвала еще одну ниточку, соединявшую меня с прошлым, и сейчас рука моя помимо воли потянулась к груди, где под сорочкой скрывалась небольшая склянка, подарок Маэстро.

– Власти конфисковали наш дом, забрали все, что у нас было, – продолжал Карло. – Нам пришлось просить милостыню на улицах, куда над нами не сжалились монахини одной обители. Сестры дозволили нам ухаживать за их садом, а также помогли отправить письмо вашему высочеству. – Он вздохнул. – Все, что у нас осталось, – одежда, которая на нас, и отцовские свитки. Козимо с ними не расстанется. Сам я никогда такими вещами не интересовался. Я мечтаю плавать по морю, а не торговать вразнос всякой ерундой. А вот Козимо хочет учиться. Сейчас, правда, он вряд ли пригодится вашему высочеству...

– Карло!

Мы подняли головы. Козимо стоял в дверном проеме, кутаясь в мое домашнее платье. Каштановые волосы мальчика торчали во все стороны, глаза сверкали гневом.

– Нет, я ей пригожусь! Моих знаний уже достаточно, чтобы заработать на жизнь.

– Козимо, но ведь она же теперь французская принцесса. У нее под рукой толпы лекарей и травников!

– Погоди, – остановила я Карло и поманила Козимо.

Он подошел, шаркая ногами по ковру, надувшись, словно тот чумазный малыш, каким я видела его в прошлый раз. Я налила ему вина, положила на тарелку еды. Усевшись на ковер, он принялся есть с жадностью человека, который уже никогда не забудет, что значит голодать.

– Расскажи, что ты задумал, – предложила я, когда он покончил с трапезой.

– Я могу служить вам лекарем. – Козимо снова бросил сердитый взгляд на брата. – Могу готовить духи, притирания и лечебные снадобья. Я хорошо разбираюсь в травах, а чего еще не знаю, тому научусь.

– Вот как? – Меня забавляла его серьезность. – Так уж вышло, что мне недостает умелого лекаря, однако при дворе нет никого, к кому я могла бы приставить тебя учеником.

Козимо без единого слова встал и ушел в спальню. Вернулся он с чем-то завернутым в потертую кожу, завязанную с двух сторон. Оттолкнув ногой тарелку, он положил сверток

передо мной, и взору моему предстала груда пергаментов, покрытых загадочными письмами и символами.

– Все эти пергаменты принадлежали отцу. – Козимо поднял на меня глаза. – Я изучал их месяцами, в каждую свободную минуту. В этих письменах сокрыты тайны, оккультные и пророческие знания. По ним я могу научиться всему, что мне нужно, а иных наставников мне и не надобно.

В комнате воцарилась такая напряженная тишина, что я слышала лишь учащенный стук собственного сердца. Мне припомнились слова Маэстро: «Ты исполнишь свою судьбу. Возможно, Екатерина Медичи, это будет совсем не та судьба, которой ты желаешь, однако ты ее исполнишь». Карло, ни о чем не подозревавший, глядел на меня, иронически изогнув бровь. Посмотрев на Козимо, я поняла, что ему все обо мне известно. Его могущество облекало нас незримой пеленой, ощутить которую не мог никто, кроме нас двоих.

«Я могу помочь тебе, – услышала я голос Козимо, хотя губы его не шевелились. – Я могу сделать так, что твой муж тебя полюбит».

И тут же чары рассеялись. У меня побежали мурашки по коже, я едва подавила желание потерять руки – это пробудился мой собственный дар. Козимо тоже обладал им; я от своего дара отреклась, а он, напротив, употребил все силы, чтобы овладеть им. Чего я могла бы достигнуть с помощью Козимо? Если бы мы объединились, помогло бы это завлечь Генриха на мое ложе, дабы я могла понести наследника? У меня не было ни малейшего желания вновь переживать то унижительное действо, однако же я должна забеременеть, иначе двор окончательно сочтет меня бесплодной.

Козимо отвел взгляд и снова стал обыкновенным подростком, изнуренным невзгодами.

– Он опять за свое? – спросил Карло, когда его брат принялся собирать пергаменты. – Пытался овладеть вашим разумом, госпожа моя?

– Да, – ответила я, удивляясь тому, что Карло это все-таки заметил. – Откуда ты знаешь?

– Он все время проделывает такие штуки. Ему бы не травником быть, а актером.

– У него незаурядный дар. Я сделаю его своим личным астрологом и куплю ему дом в Париже, где он мог бы посвятить себя учебе.

С этими словами я взглянула на Козимо. Он не дрогнув встретил мой взгляд. Изможденное лицо его было темным от вьевшейся пыли и грязи.

– Что до тебя, друг мой, – продолжала я, обращаясь к Карло, – ты станешь служить в морском флоте под знаменами его величества. Завтра же, – повысила я голос, глядя на Карло, который схватил мою руку и принялся осыпать ее поцелуями, – завтра же я лично поговорю с королем и испрошу для тебя место на флоте.

А затем я отправилась спать, но даже под защитой стен и запертых дверей чувствовала, как мысли Козимо проникают в мой разум. В этом проникновении было нечто зловещее, опасное, но, Боже милосердный, какие возможности это сулило!

Я обеспечила Карло место на королевском флоте и велела Бираго тайно приобрести для Козимо дом на набережной Сены, с частной пристанью.

Мне было уже семнадцать, и я выдержала первое испытание из числа тех, что ожидали меня во Франции. Никто, кроме Бираго и Лукреции, не знал, что я тайно посещаю Козимо. Я пользовалась духами и притираниями, которые, по его уверениям, должны были привлечь ко мне мужа, а еще читала книги о травах, дабы научиться самой растирать лепестки и листья в пахучую кашицу, которую затем варила в ароматическом масле над жаровней.

Маргарита вызвалась быть моей помощницей. Часами мы с ней испытывали комковатые притирания и вонючие духи, держа окна распахнутыми, чтоб выветривать дым жаровни, и глаза наши слезились, когда мы бок о бок склонялись над тиглем. Невозможно сосчитать, сколько раз мы обжигались, ошпаривали лицо и горло. Получившейся смесью Маргарита

обмазывала меня, а потом, когда снадобье начинало щипать кожу, бежала за мокрыми лоскутами, дабы стереть эту пакость, пока она не сожгла мне лицо. Маргарита не знала, что всякий раз при неудаче мне хотелось кричать от разочарования. Она держала меня за руки, когда кожа моя покрывалась волдырями, и я шепотом причитала, что опять-де придется всю неделю носить платье с высоким воротом. Затем она говорила: «Попробуем сызнова, только на сей раз добавим побольше лаванды». И мы вновь склонялись над тиглем.

Откуда мне было знать, что даже море настойки розовых лепестков не породит той любви, о которой я так страстно мечтала?

Миновала еще одна неделя напрасных усилий. На вечернем пиру я хранила угрюмое молчание, и плоеный воротник прикрывал свежий волдырь. Придворные веселились, и разудалый хохот звоном отдавался в моих ушах. Как я завидовала их самовлюбленности, нелепому соперничеству и тщеславным выходкам! Мне самой, как я тогда думала, нечего было и мечтать о покое и радости. Ах, скорее бы закончился пир, чтобы я могла удалиться к себе и там, в четырех стенах, наконец накричаться и выплакаться!

И тут в зале воцарилась тишина. Потом все стали перешептываться, склоняя головы друг к другу, слитный вздох сорвался с множества уст и стих. Я замерла.

Наверху лестницы, ведущей в зал, появился Генрих в броском, черном с серебром наряде. Я воззрилась на подвязки, которые обвивали его мускулистые бедра, затем взгляд мой, скользнув по гульфику, поднялся выше, к груди, на которой сверкала усыпанная драгоценными камнями брошь – полумесяц, соединенный с охотничьим луком.

Король и герцогиня как раз совершали обход зала. При виде сына Франциск остановился, на лице его отразилось неподдельное удивление – в кои-то веки Генрих был одет как подобало. Сердце мое гулко заколотилось; предчувствие беды охватило меня, словно над головой нависла грозная туча. Я неловко потянулась за кубком, опрокинула его и вскочила, подхватив юбки, дабы спасти их от винных капель.

В этот самый миг из полумрака за спиной Генриха выступила женщина. Вместе, бок о бок спустились они по лестнице в зал, не касаясь друг друга, однако же двигаясь настолько в лад, что казались единым целым.

Женщина не шла, а плыла, словно ее ноги вовсе не касались пола; пепельно-серебристые волосы, зачесанные назад, обрамляли высокий лоб. Стройную фигуру подчеркивало, доводя до совершенства, великолепное платье – черное с серебром, в тон наряду Генриха. Единственной драгоценностью, которой она себя украсила, был точно такой же полумесяц, красовавшийся на груди. Женщина остановилась рядом с моим мужем, и все придворные, сколько их было в зале, уставились во все глаза на это украшение.

В ужасе я глядела на нее и не могла отвести глаз. Она была словно ожившая мраморная статуя – зрелая женщина в зените своих чар, превосходно знающая, какое впечатление производит на окружающих. Я воображала себе пухленькую любвеобильную гувернантку, распутницу с напмаженными губами и крашеными волосами. Словно услышав мои мысли, она подняла на меня взгляд и улыбнулась. Я не видела прежде подобной улыбки – насмешливая и торжествующая, она разом обнажила тот мрачный уголок моей души, в котором властвовали страх и ревность.

Подхватив юбки, я опрометью ринулась вон из зала и бурей ворвалась в свои покои, всполюшив фрейлин, которые повскакали со стульев.

– Госпожа моя, что случилось? – Лукреция бросилась ко мне. – Ты словно увидела призрака!

– Та... та женщина... Диана де Пуатье... Она там, в зале!

Когда я произнесла это имя, мне почудилось, что его вкус навеки останется на моих губах.

– Dio Mio⁹, она вовсе не стара! И не уродлива!

Я оперлась на туалетный столик и увидела свои длинные, униженные кольцами пальцы с накрашенными ногтями. Подняла взгляд – из блестящей глади зеркала на меня смотрело чужое лицо: щекастое лицо итальянки, на французский манер разрисованное румянами и помадой. Лицо женщины, живущей при дворе с молчаливого попустительства короля.

– Уходите, – прошептала я. – Все уходите. Оставьте меня одну.

Малютка Анна-Мария поспешно вышла, но Лукреция не тронулась с места.

– Не позволяй, чтобы она доводила тебя до такого состояния. Ты – Екатерина Медичи, герцогиня Орлеанская, а она кто такая? Всего лишь любовница твоего мужа.

Я судорожно втянула воздух, силясь совладать со своей яростью.

– Верно, – услышала я собственный голос, который показался мне чужим. – Кто она? Да никто! Вдова королевского чиновника, бывшая гувернантка. Мой прадед – Лоренцо Медичи, повелитель Флоренции, моя родня восседала на троне Святого Петра. – Я резко повернулась к Лукреции. – И однако она смеет показываться при дворе! Смеет входить в зал бок о бок с моим супругом и смотреть на меня так, словно я ее служанка!

– Быть может, ей страшно. Она понимает, сколь много может потерять.

– Страшно? – У меня вырвался ядовитый смешок. – И кого же она боится? Меня?

– Именно. Ты – законная жена Генриха. Когда-нибудь ты родишь сыновей. Она ничего не может ему дать, кроме собственного тела. Но привлекательность ее не вечна, и она это понимает. Пускай она выглядит хорошо, но на самом-то деле вовсе не молода и целиком зависит от его верности. Подобных женщин часто бросают.

Я помолчала, обдумывая эти слова. Такое мне прежде в голову не приходило. Женщине, которую я увидела в зале, уже сейчас наверняка за сорок; в конце концов, у нее взрослые дети, она давно овдовела. Притом она, уж верно, знает, что король мне благоволит, раз не пожелал отослать, несмотря на отсутствие приданого. Не потому ли она решила появиться открыто, одетая в те же цвета, что и Генрих, будто дама со своим верным рыцарем? Неужели она поняла, что может потерять все?

– Вот оно! – выдохнула я. – Король призвал Генриха, и она явилась вместе с ним. Она знает, что Генрих более не может уклоняться от исполнения супружеского долга, даже ради нее. У нее просто не осталось другого выхода. – Я махнула рукой. – Быстро, помоги мне переодеться. Он скоро придет.

Лукреция сняла с меня платье и помогла облачиться в ночную сорочку. Покуда она несла стражу в смежной комнате, я принялась орудовать расческой, и вскоре замысловатая прическа превратилась в волну густых кудрявых волос, привольно ниспадавших ниже бедер. Распахнув сорочку, я обхватила ладонями груди, оценила их округлость и тяжесть, потеребила коричневые, быстро отвердевшие соски. Я разглядывала свое тело, словно ценный товар, отмечая длинные ноги, укрепившиеся от верховой езды икры, сильные, хотя и толстоватые лодыжки, соблазнительный изгиб широких бедер.

И улыбнулась своему отражению. Пусть я не похожа на эту атласно-мраморную статую, зато здорова и молода. Та женщина лишь цепляется за свою ушедшую юность, а мои молодые годы простираются вдаль, как обширное плодородное поле.

В дверь постучали. Я проворно завязала тесемки сорочки и встретила вошедшего в комнату Генриха улыбкой, полной ожидания. Он остановился на пороге, словно не был уверен, что здесь его ждет теплая встреча.

– Муж мой, вот неожиданная радость!

⁹ Боже мой! (ит.)

С этими словами я неторопливо отошла к буфету, на котором стоял кувшин с вином. Генрих принял из моих рук кубок с такой видимой неловкостью, что меня так и подмывало рассмеяться.

– Нам нужно поговорить, – начал он, откашлявшись, и я согласно кивнула.

Потом я села в кресло. Генрих долго молчал, глядя на меня, и наконец выпалил:

– Отец послал за мной. Он требует, чтобы мы зачали ребенка. Он сказал, что это настоятельная необходимость, ведь у моего брата-дофина слабое здоровье.

Я ничем не выдала своего удивления. Мне мало что было известно о дофине, который, подобно Мадлен, от рождения обладал слабыми легкими. Франциск-младший так редко появлялся при дворе, предпочитая проводить время в своих владениях, что я порой забывала о его существовании.

Генрих принялся шагать по комнате, не выпуская кубка.

– Врачи отца полагают, что мой брат долго не проживет, а стало быть, нам с тобой надлежит обеспечить продолжение рода.

Он надолго припал к вину, а затем протянул руку к кувшину, чтобы вновь наполнить кубок. Рука его дрожала.

Сама я сидела не шевелясь, старательно пряча свое потрясение. Если дофин умрет, Генрих станет наследником трона... и когда-нибудь мы с ним будем королем и королевой Франции. От этой мысли голова у меня пошла кругом. Так далеко я еще никогда не заглядывала. Целиком поглощенная тем, чтобы укрепить свое нынешнее положение, я даже не задумывалась над тем, почему Франциск так непоколебимо защищает меня. Неужели он видит во мне будущую королеву Франции?

В этот миг я перескочила из крошечного, обособленного настоящего в безграничное и неведомое будущее.

До меня вновь донесся голос Генриха. Принудив себя слушать, я обнаружила, что муж стоит передо мной.

– Обещаю, на сей раз я буду нежен, – сказал он, и взгляды наши встретились.

Он попытался улыбнуться, и я поняла, что ему стыдно. В прошлый раз он нарочно обошелся со мной так безжалостно, желая наказать.

Я поднялась с кресла и направилась в спальню. Даже если снова будет больно, говорила я себе, то по крайней мере ненадолго. И на сей раз я непременно понесу дитя, а стало быть, исполню свое предназначение. И все же, когда я откинула покрывала, меня охватил страх. Но я боялась не Генриха. А вдруг он вовсе ни при чем? Вдруг то, о чем шептался двор за моей спиной, правда?

Что, если я бесплодна?

Лукреция во время нашего разговора успела незаметно проскользнуть в спальню и все подготовить. У изголовья кровати горела свеча; полог был раздернут. На потолке плясали невесомые тени. Когда я услышала за спиной шорох сбрасываемой одежды, руки мои затряслись и я не сразу сумела справиться с завязками сорочки.

– Екатерина, – прошептал Генрих, касаясь губами моего уха.

И, взяв меня за плечи, повернул лицом к себе. Он был гораздо выше меня, широкая грудь поросла темными волосами, на руках и ногах бугрились мускулы. На нем были только брэ, и я видела, как вздымается под тонким полотном его напряженная мужская плоть.

Внезапно во мне вспыхнул жар желания, но я попыталась подавить его. Я не хотела желать мужчину, который видел во мне лишь сосуд для своего семени, не хотела любить его. Я силилась снова пробудить в себе ярость и ненависть, которые испытала, увидев Генриха бок о бок с любовницей, силилась укрепить презрение, которое до сих пор защищало меня от нанесенных им обид. Все это, однако, перестало иметь всякое значение, когда Генрих

уложил меня на кровать и я, трепеща всем телом, смотрела, как он подымает мою сорочку, открывая груди, постепенно обнажая меня всю.

– Ты прекрасна, – прошептал он так, словно вовсе не ожидал этого, и вновь наши взгляды встретились.

Лишь сейчас Генрих увидел меня такой, какова я на самом деле, а не супругой, навязанной ему против воли... Пальцы его проворно скользнули к завязкам брэ, точно ему не терпелось поскорей освободиться и от этого клочка одежды.

Мне казалось, что его возбужденный орган невероятно огромен, однако он вошел в меня так бережно, что слезы навернулись мне на глаза, и я втайне порадовалась, что в пляшущих отсветах свечи невозможно разглядеть мое лицо.

На сей раз я едва не закричала от боли и одновременно наслаждения, которые породило это действие; распаленная мужская плоть проникала в меня все глубже. Наконец все мое существо, весь мир сосредоточились лишь на том, как Генрих размеренно движется внутри меня, ускоряясь с каждым мгновением, его хриплое дыхание, учатившись, обжигает мне лицо, и я выгибаюсь навстречу этому неудержимому натиску, и пальцы мои ласкают его грудь, путаясь в густых жестких волосах.

Дрожь прошла по его телу. Я ощутила, как его плоть растет, заполняя меня целиком, и прошептала его имя. Он замер на миг, напрягшись, словно силился что-то удержать, а затем сдавленно вскрикнул и вонзился в меня еще глубже, породив обжигающий жар, который разошелся кругами по всему моему телу, и тогда я тоже закричала, обхватив его руками и тесно обвив ногами его талию.

Генрих обмяк и, задыхаясь, соскользнул на простыни рядом со мной. Я сжала мышцы, дабы его семя осталось внутри меня. Сладостно содрогаясь всем телом, я повернулась к нему, но он уже поднялся с кровати. Я услышала, как он ощупью нашаривает одежду, как натягивает камзол и штаны – с такой поспешностью, что меня охватил стыд.

– Останься со мной, – прошептала я.

– Не могу, – также шепотом ответил Генрих.

– Почему? – Я приподнялась на кровати. – Разве тебе было плохо со мной?

– Хорошо... очень хорошо. – Он отвел глаза. – Правда. Но... меня ждут.

– Ты идешь к ней? – Я не сумела скрыть всколыхнувшийся во мне гнев. – Ты бросаешь меня ради нее? Неужели она так много значит для тебя, что ты готов унижить меня перед всем двором?

– Она для меня – все. – Генрих наконец встретил мой взгляд, и лицо его стало замкнуто, почти печально. – Я не хочу причинить тебе боль, но... ты должна смириться с тем, что я могу и что не могу тебе дать. Когда ты родишь дитя, тебя это больше не будет так задевать. Ты сможешь отдать всю любовь нашему сыну.

Я уронила руки. Слова его были точно пощечина. Мне хотелось закричать, что этого не будет, что я всегда буду нуждаться в его любви. Что его любовь по праву принадлежит мне, а не ожившей статуе, которая оплела его чарами. Тем не менее я сдержалась, ибо лишь сейчас поняла то, что прежде скрывала даже от себя самой. Я обманывала себя, надеясь, что мне под силу изменить чувства Генриха и завладеть его сердцем.

Не будь ее, была бы другая женщина. Кто угодно... только не я.

– Что ж, тогда иди к ней. – Я повернулась к мужу спиной. – Уходи.

Не сказав больше ни слова, он вышел и тихонько притворил за собой дверь.

Три месяца спустя меня разбудили болезненные спазмы внизу живота. Я кое-как выбралась из постели и побрела в отхожее место, горя оттого, что эта боль, по всей вероятности, предвестник месячных кровей. В последнее время аппетит у меня стал зверским, и я начала втайне надеяться, что забеременела, так как предыдущие месячные были нерегу-

лярны и не так обильны, как обычно. Однако в тот самый миг, когда Лукреция бросилась мне на помощь, живот мой скрутило судорогой боли и из-под сорочки хлынула вязкая струя крови. Я оцепенела, со страхом взирая на кровавое месиво на полу. Затем ноги мои ослабели, и я со сдавленным криком рухнула на колени.

Лукреция помогла мне сменить испачканную сорочку на домашнее платье, а затем под руку отвела к креслу.

– Боже милостивый, нет, только не это! – стонала я, обхватив руками живот и в отчаянии раскачиваясь.

И смотрела, вне себя от ужаса, как Лукреция проворно вытерла пол, а затем бросила окровавленное тряпье в камин. Лишь тогда я прошептала:

– Об этом никто не должен узнать, иначе мне конец!

– Я все сожгу, и сорочку тоже. – Лукреция кивнула. – А теперь отдохни, успокойся.

– Успокоиться?! – Меня затрясло. – Мне уже никогда не знать покоя! Я потеряла ребенка! Что мне теперь делать? Как я смогу это пережить?

– Как-нибудь сможешь. – Лукреция не отрываясь смотрела мне в глаза. – Ты еще молода. Многим женщинам случается потерять первого ребенка. Муж приходил к тебе прежде и придет сызнова. Ему нужен сын, и ничуть не меньше, чем тебе.

Глаза мои наполнились слезами. А она разгребла угли и подбросила дров в камин, чтобы развести огонь, который изничтожит следы позора моей злосчастной утробы.

Через два дня умер дофин.

Глава 9

Двор оделся в белое.

Сидя вместе с принцессами в королевской усыпальнице базилики Сен-Дени, я наблюдала, как опускают в склеп узкий гроб дофина. Не отличавшийся крепким здоровьем, старший сын короля не дожил даже до двадцати лет, и его смерть нанесла Франциску тяжелейший урон. Бледный и изнуренный, король опустился на колени, чтобы приложиться губами к мрамору, на котором было начертано имя ушедшего сына, а затем двинулся по боковому приделу прочь. За ним последовал Генрих. На ходу муж украдкой глянул в мою сторону, и в этом взгляде ясно читалось потрясение. Он был ошеломлен своим возвышением, сделавшись наследником престола; я же похолодела при мысли о том, что сейчас более, чем когда-либо, весь двор будет жадно разглядывать меня, выискивая признаки беременности.

Принцессы встали. Я хотела было двинуться вслед за Мадлен, но та быстро прошептала:

– Нет, тебе надлежит идти первой. Ты ведь теперь жена нашего дофина.

Я глянула на Маргариту, и та печально кивнула. Склонив голову, я пошла вперед.

Проходя боковым приделом, я услышала, как придворные зашептались.

Траур был продлен сверх обычного сорокадневного срока. Король не появлялся на людях; его затворничество, а также отсутствие каких бы то ни было развлечений пробудили все мои прежние страхи. Ночами я едва могла сомкнуть глаза, терзаемая ужасным призраком возможного изгнания. Генрих не приходил ко мне, поскольку соблюдал траур по брату; и на первом нашем официальном выходе после окончания траура мы с ним сидели рядом чопорно и недвижно, словно восковые фигуры. Прием состоялся по случаю визита во Францию шотландского короля Иакова V – он прибыл, дабы укрепить союз между странами посредством брака.

Никто не мог предвидеть, что среди множества знатных дам, представленных Иакову на выбор, он отдаст свое сердце застенчивой Мадлен. То была, безусловно, великолепная пара. Мне оставалось гадать, не мог ли Франциск, даже поглощенный горем, втихомолку замыслить этот брак, прекрасно сознавая, как взбеленится воинственный Генрих VIII, король Англии, узнав, что его сосед-шотландец заполучил на супружеское ложе королеву-француженку.

Не прошло и месяца после прибытия Иакова, как мы уже стояли в покоях Мадлен и дамы из ее свиты суетились вокруг, внося завершающие штрихи в подвенечный наряд. Я своими руками прикрепила к венцу Мадлен плавно ниспадающую вуаль, а затем повернула ее к зеркалу. Девушка жадно впиалась взглядом в свое отражение.

– Послушай, Екатерина, я так бледна! Может, стоит наложить румяна, те самые, что ты для меня приготовила?

– Только не сегодня, – покачала я головой. – Невесте пристала бледность.

– Не странно ли, как может перемениться жизнь? – Мадлен крепко стиснула мои руки. – Взять хотя бы нас с тобой: кажется, еще вчера мы сидели вместе в классной комнате, а теперь ты супруга дофина, а я скоро стану королевой Шотландии. – Она снова бросила взгляд на свое отражение. – Я всем сердцем надеюсь, что буду Иакову хорошей женой. Доктора говорят, что мое здоровье значительно улучшилось.

Мадлен рассеянно потерла рукав платья, под которым виднелись кровоподтеки – следы недели кровопусканий, которые предписали ей доктора.

– Однако, – прибавила Мадлен, – говорят, суровые зимы Шотландии пагубны для легких, а ведь у меня всегда были слабые легкие.

– У Иакова довольно замков, тебе там будет тепло. – Я решительно отвела ее пальцы от шрамиков на руке. – А теперь, будь добра, успокойся! Сегодня твоя свадьба.

Ближние дамы дружно взвизгнули – в покои широким шагом вошел Франциск, сверкая великолепием наряда из золотой парчи.

– Стыдно, папочка! – попеняла ему Маргарита. – Мужчине негоже видеть невесту до венчания, это дурная примета.

– Чушь! Для жениха, может, и дурная, но отец – другое дело. – Франциск подошел к Мадлен. – Твой нареченный ждет. Ты готова, моя дорогая?

Мадлен взяла его под руку, и он украдкой бросил на меня обеспокоенный взгляд. Тяжесть недавней утраты до сих пор не изгладилась с его лица, и я знала, что он встревожен. Шотландия славилась суровостью климата и неукротимостью знати; каково придется нашей милой Мадлен вдалеке от родной Франции?

– Ее высочество, – сказала я вслух, – только что говорила нам о том, как она счастлива. Воистину, ваше величество, нынешнее событие – большая радость для Франции.

– Верно, – пробормотал он, – такая же, как твое прибытие, моя малышка. – И, сияя улыбкой, повернулся к Мадлен. – Поспешим же в Нотр-Дам!

После праздничных торжеств мы сопроводили новобрачных в Кале, откуда им предстояло отплыть в Шотландию. И вернулись в Фонтенбло, где Франциск внезапно рухнул без чувств.

Болезнь его ввергла двор в нешуточную панику. Придворные шептались, что участие в свадебных торжествах истощило силы короля и что у него вновь открылась язва в интимном месте, которая препятствовала нормальному мочеиспусканию. Несколько недель он провел в затворничестве, подвергаясь усиленному лечению разными снадобьями и страдая под их воздействием головокружением и слабостью.

Вместе с «маленькими разбойницами» я несла неусыпную стражу у дверей в королевские покои. Внутри нас не допускали, и мадам д'Этамп оставалось лишь метаться по коридорам дворца, не будучи в силах помочь человеку, от которого зависело все ее существование. Когда наконец объявили, что его величество идет на поправку, она облачилась в самое роскошное свое шелковое платье, украсилась драгоценностями и стала ждать, когда король призовет ее.

Однако, к нашему общему большому удивлению, первой Франциск пожелал видеть меня.

Он лежал в постели и, когда я вошла, открыл остекленевшие от жара глаза.

– Малышка, ты сменила духи.

– Я изготовила их сама, – пояснила я, поднеся к его лицу запястье. – Экстракт жасмина, амбры и розы.

– В высшей степени французская смесь. – Франциск слабо улыбнулся. – Уж если ты берешься за что-то, то всегда доводишь дело до конца. Меня восхищает твоя настойчивость. Быть может, вскоре ты добьешься успеха и в том, чтобы подарить мне внука?

– Да, – прошептала я.

И ничем не выдала страха, хотя понимала, что в этих словах короля заключено предостережение. Рано или поздно он умрет, и я останусь одна в окружении враждебного двора. Мне надлежит обеспечить продолжение рода Валуа и доказать, что я достойна быть королевой.

Я держала его за руку, глядя, как он понемногу погружается в сон. Мне бы следовало ужаснуться при мысли, что блистательный властелин, который наперекор всему приютил меня под своим кровом, теперь неумолимо приближается к концу жизни.

И все же я была способна думать только об одном – о преграде, которую мне предстоит преодолеть.

К середине лета Франциск окончательно поправился, и началась война с императором Карлом V Габсбургом за Миланское герцогство. На сей раз во главе армии встали коннетабль, его племянник Колиньи и мой муж, а королевский двор разместился в Сен-Жермене, поближе к надежным стенам Парижа.

При первой же возможности я в одиночку тайно выбралась в город и посетила Козимо. Он был безмерно рад меня видеть и тут же провел в комнату на верхнем этаже дома, тесно заставленную шкафами с множеством склянок, колб и книг, точь-в-точь как во флорентийском кабинете его отца. На потолочных балках комнаты были развешаны клетки с птицами.

– Госпожа моя! – Козимо поклонился с преувеличенной услужливостью. – Своим посещением ты оказываешь мне великую честь.

– Козимо, ты выглядишь так, словно целый месяц не ел и не выходил на свежий воздух. – Я окинула его взглядом. – Искренне надеюсь, ты не сидишь, затворившись в этой комнате, днями напролет. Одной магией, знаешь ли, сыт не будешь.

Слушая, как он бормочет оправдания, глядя на его худое лицо, светящееся пылким желанием угодить мне, я невольно задавалась вопросом, правильно ли поступила, придя к этому человеку. Он, в конце концов, всего лишь слуга, живущий у меня на содержании. Как может он понять те муки, которые я испытываю? С того ужасного дня, когда у меня случился выкидыш, я жила в постоянном страхе. Вопреки утверждениям Лукреции, что женщины часто теряют первого ребенка, я терзалась мыслью о грозящем мне изгнании за то, что не сумела подарить мужу наследника.

– Госпожа моя, – Козимо смотрел так, словно мог прочесть мои мысли, – ты встревожена. Ты пришла ко мне потому, что тебя обуревают страх. Можешь довериться мне. Я скорей бы умер, нежели предал тебя.

Я вздрогнула, встретив его пронизывающий взгляд. Мне вспомнилась кровь, текущая между ног, комок тряпья и ночная сорочка, догорающие в камине. Сердце мое словно сжала в кулак невидимая рука.

– Мне необходимо родить сына, – прошептала я наконец. – Иначе я погибла.

– Исследуем знамения вместе. – Козимо серьезно кивнул.

С этими словами он извлек голубя из клетки на балке и уверенным движением свернул ему шею. Положив на стол трепещущее белоперое тельце, он взял кинжал и выпотрошил убитую птицу. Меня передернуло от вони вывалившихся наружу кишок, от вида крови, забрызгавшей руки Козимо, а тот внимательно разглядывал внутренности голубя. Потом поднял голову и, с улыбкой глядя на меня, объявил:

– Я не вижу никаких помех твоей способности к деторождению.

От нахлынувшего облегчения у меня ослабли колени. Я глубоко вздохнула, опершись ладонями о стол.

– Если ты потеряла одного ребенка, это не означает, что не будет других, – добавил Козимо.

Я застыла. Медленно подняла глаза и встретила с ним взглядом.

– Ты... ты знаешь об этом? Ты это видел?

– Таков мой дар. – Козимо пожал плечами. – Я вижу то, чего не дано увидеть другим. И еще я должен сказать: госпожа моя, будь терпелива, ибо время твое еще не пришло.

– Сколько же мне еще терпеть? – У меня вырвался горький смешок. – Семь лет прожила я во Франции, но так ничего и не достигла. А всему виной эта женщина; она знает, как я страдаю, и упивается моими страданиями! Господь свидетель, она заслужила смерть! – Я

выдернула из-под воротника цепочку с сокровенной склянкой. – Здесь снадобье, которое много лет назад подарил мне твой отец. Нужно только одно – подходящий случай...

– Нельзя, госпожа моя. – Козимо выразительно выгнул бровь. – Подозрение сразу падет на тебя.

– Ну и пусть! Генрих погорюет немного, да и смирится. На этом все и закончится.

– Или поверит слухам и никогда больше не коснется тебя. Французы и так уже полагают, будто все итальянцы – отравители. И что бы там ни хранилось в этой склянке, зелье наверняка оставит следы. Нет, госпожа моя. Как бы сильно ты ни желала смерти этой женщины, так поступать не стоит.

Мне хотелось закричать на него в бессильной ярости, и не потому, что я впрямь намеревалась отравить Диану, но потому, что он посмел указать на последствия этого поступка. А мне так нужно было верить, что я смогу его совершить! Горюя о потере ребенка, в коей никогда не посмела бы признаться, я обвиняла именно ее. Я верила, что она намеренно удерживала Генриха вдали от моего ложа; в самые мрачные минуты своей жизни я почти не сомневалась, что она заключила договор с нечистым, дабы исторгнуть из моего чрева это злосчастное существо и таким образом оставить меня в своей власти.

– Что ж, ладно, – процедила я наконец. – Найди другой способ, но только поторопись. Времени у меня немного.

Козимо уже направился к своим шкафам и теперь протянул руку к небольшому деревянному сундучку.

– Пускай она тебя не беспокоит, – промолвил он, открывая сундучок. – Я дам тебе шесть защитных амулетов, носи их под одеждой, дабы отразить ее зло. Еще дам притирание для тела, чтобы привлечь мужа. Когда он в следующий раз придет навестить тебя, я заготовлю эликсир: половину должна выпить ты, половину он. И самое главное, не теряй надежды.

– Если бы надежда была семенем, – отозвалась я, принимая у него амулеты, – я бы стала уже матерью целого народа.

– Когда-нибудь ты ею и впрямь станешь, – улыбнулся Козимо.

Я умастилась притиранием, прикрепила к нижней юбке железные амулеты. При помощи раскаленных щипцов я распрямляла свои кудрявые волосы и десятками заказывала новые наряды, с нетерпением дожидаясь известия о возвращении Генриха и засыпая герцогиню вопросами о ходе военных действий. Судя по ее словам, нынешняя война мало чем отличалась от предыдущих: императорские войска окопались, а наши brave молодцы обстреливали их из пушек. А я изнывала от нетерпения, потому что испробовать эликсир можно было, лишь когда Генрих вернется наконец ко двору.

И тут судьба нанесла очередной удар.

Милая Мадлен умерла, пав жертвой сурового шотландского климата и своих слабых легких. Франциск затворился в покоях и никого не желал видеть. Дни напролет я неотлучно была с Маргаритой, утешала ее в горе, как могла. Мы вновь надели траур, однако у Франциска не было иного выхода, кроме как удовлетворить требование Иакова V предоставить ему другую невесту. Союз с шотландцами был необыкновенно важен для Франции, и Гизы, не тратя времени попусту, предложили в жены Иакову свою дочь Марию. То, что она точно так же могла умереть в Шотландии, никого не волновало: Гизы не могли упустить случай возвыситься. Венчание состоялось через подставных лиц. А вскоре после того Франциск и Карл V, уставшие от войны, которую ни один из них не мог выиграть, подписали мирный договор.

Генрих был отозван домой.

Я готовилась встретиться с ним в Фонтенбло. Неделями я регулярно принимала снадобья и занималась обстановкой своих покоев, и вот теперь, в алого цвета наряде, украшенная рубинами, с нетерпением расхаживала у двери. Я отправила Анну-Марию следить за передвижениями Генриха, а сама предпочла не выходить к ожидающему торжественной встречи двору. Менее всего мне хотелось выглядеть этакой соскучившейся женушкой, которая первой бросится на шею супругу, едва он покажется на глаза.

Чувствуя, что фрейлины не сводят с меня глаз, как было всегда, когда они чуяли мое волнение, я незаметно сунула руку в карман и улыбнулась, нащупав крохотную склянку, которую прислал мне Козимо. Он обещал, что эта смесь вынудит Генриха думать только обо мне. Сама я выпила свою долю эликсира еще утром. Теперь требовалось лишь незаметно подлить оставшееся в вино мужу, а пробужденная природа довершит остальное.

Фрейлины вышивали. Я же с тех самых пор, как пришло известие о возвращении Генриха, была сама не своя и уже собиралась удалиться, когда вдруг услышала стремительный цокот каблучков. Я резко выпрямилась в кресле.

В комнату ворвалась Анна-Мария.

– Его высочество идет сюда! – выпалила она. – Только я слыхала в галерее, что...

– Сплетни я выслушаю потом. – Я пропустила ее слова мимо ушей. – Сядь. Генрих должен подумать, что мы его не ждали.

– Но вашему высочеству нужно знать, что...

– Потом. – Я указала ей на стул.

Анна-Мария с отчаянием глянула на подруг, но села.

Волнение с новой силой охватило меня. С тех пор как мы с Генрихом виделись в последний раз, миновало восемь долгих месяцев. Какое впечатление я произведу на него? Подействует ли эликсир? Смогу ли я вновь забеременеть?

Из коридора донесся буйный взрыв смеха, и в комнату вошли несколько мужчин. Среди них я увидела близкого друга и соратника Генриха – Франсуа де Гиза. Он был все так же худ и долговяз, однако теперь его лицо с резкими чертами, которое могло бы считаться красивым, если бы не выражение холодной чопорности, украшал свежий шрам. Он наискось пересекал щеку, отчего левый уголок рта приподымался в застывшем подобии улыбки.

– Господа, – тепло проговорила я, – до чего приятно вновь вас видеть. С возвращением!

Они низко склонились передо мной, и тут из-за их спин выступил Генрих. Я с трудом узнала его. На нем был неброский коричневый камзол, худощавое лицо наполовину скрывала густая борода, запавшие глаза блестели в тени глубоких глазниц. В этом угрюмом лице я обнаружила зрелость, привитую месяцами войны, когда Генрих принужден был смотреть, как его соратники гибнут за Францию. Мой муж ушел на войну и вернулся, навеки отмеченный ее печатью.

– Не хочешь ли вина? – спросила я, когда он мимолетно коснулся губами моей щеки.

– Я больше не пью вина.

Я опешила. Если Генрих теперь не пьет вина, как же я дам ему эликсир? У снадобья горький привкус, вода его не скроет. Я лихорадочно подыскивала причину настоять, чтобы Генрих принял из моих рук кубок, и тут заметила, что он быстро переглянулся с Гизом. Генрих вновь обратил свой непроницаемый взор на меня, и сердце мое упало.

– Как я рада, что ты вернулся, – проговорила я, взяв его за руку. – Мне тебя не хватало. Если хочешь, мы бы сегодня могли поужинать вместе. Мне так много нужно тебе рассказать.

– Боюсь, это невозможно.

Он отнял руку и направился к своим спутникам. И все же он не ответил категорическим отказом, не отрицал, что может зайти позже. С эликсиром ничего не станется. Я подожду.

И лишь когда Генрих и его спутники ушли, я вспомнила: Анна-Мария хотела мне что-то сказать.

– И какую же новость тебе так не терпелось мне сообщить? – осведомила я, направляясь к креслу.

– Это всего лишь слухи, – вмешалась Лукреция, из чего стало ясно, что Анна-Мария успела с ней поделиться.

Я остановилась, окинула взглядом женщин и жестом выслала прочь всех, кроме Лукреции.

– Речь о Генрихе? Выкладывай. Что он натворил на этот раз?

Я собралась с духом, приготовясь услышать про очередную уступку Диане.

– Будучи на войне, его высочество однажды... мм... повел себя не слишком скромно, – вместо этого сказала Лукреция. – Затяжные бои так тягостны... подобно любому мужчине, он искал хоть какого-то способа утешиться. Говорят, то была молодая крестьянка, и посещал он ее всего лишь раз или два. На том бы дело и закончилось, вот только теперь она в тягости. И утверждает, что это дитя его высочества.

Пальцы мои стиснули складки платья; я услышала едва различимый хруст и ощутила у бедра нечто влажное – это лопнула хранившаяся в кармане склянка с эликсиром.

– А он... он признал ее притязания? – запинаясь, спросила я.

– Признал. – Лукреция помолчала. – Боюсь, это еще не все. – Она прямо взглянула мне в глаза. – Мадам Сенешаль потребовала, если родится мальчик, отдать его ей на воспитание.

К горлу подступила тошнота. Взмахом руки велел Лукреции уйти, я согнулась пополам в кресле. Меня замутило, однако приступа рвоты не случилось. Лишь во рту остался мерзкий привкус – точно ужас и потрясение, испытанные мной, проникли внутрь, в мою плоть.

Теперь я должна пожертвовать чем угодно, лишь бы выжить.

В августе 1538 года молодая крестьянка родила дочь. Ей назначили содержание и позволили оставить ребенка при себе, поскольку Диане было совершенно ни к чему брать на воспитание девочку. Тем не менее, хотя любовница моего мужа не сумела заполучить его ребенка, мне это облегчения не принесло. Одно то, что Генрих зачал бастарда, дало новую пищу придворным сплетням о моем бесплодии, поскольку теперь можно было не сомневаться, кто из нас двоих повинен в отсутствии наследника.

Каждый проходящий день неумолимо подталкивал меня к неизбежному. Генрих не посещал мою спальню, ни разу даже не пришел повидаться со мной днем, и я начала подозревать, что это Диана интригует против меня, стремясь уничтожить и ту жалкую толику радости, которую мы с Генрихом могли обнаружить в нашем браке. Единственным моим утешением и защитой был король, который все так же неизменно выказывал мне свою благосклонность.

В год, когда мне исполнилось двадцать три, – восьмой год моего пребывания во Франции, – Франциск перебрался в замок Амбуаз. Замок этот, возвышавшийся над Луарой, славился обширными садами и ажурными чугунными решетками; Франциск, более всего благоволивший этой резиденции, годами улучшал и украшал ее, и именно здесь он предал гласности свой новый замысел касательно того, как перехватить у Карла V Милан.

– Коннетабль считает, что мне следует предложить в жены Филиппу Испанскому, наследнику Карла Пятого, мою двенадцатилетнюю племянницу Жанну д'Альбре, дочь короля Наварры и моей сестры Маргариты, – рассказывал король, когда мы с ним прогуливались в садах Амбуаза.

Из дальнего конца сада доносились приглушенный рык и острый звериный запах – там содержались в клетках три льва, подарок турецкого султана, которому Франциск пока так и не нашел применения.

– Взамен, – продолжал он, – Карл сможет передать мне Милан, а Жанна, унаследовав Наварру, передаст ее во владение своему супругу Филиппу. Карл, безусловно, ухватится за

такую возможность; он убежден, что Габсбурги имеют исключительные права на Наваррское королевство, в то время как д'Альбре, нынешние правители Наварры, – самые обыкновенные узурпаторы. Маргарита, моя сестра, – вдова наваррского короля; ее вряд ли обрадует предложение отдать дочь Испании. Однако на самом деле я вовсе не намерен дарить Карлу Наварру. Я лишь хочу, чтобы он поверил в эту возможность, и тогда Милан достанется мне. – Франциск игриво ткнул меня локтем в бок. – Что скажешь, малышка? Сумеем мы обвести вокруг пальца габсбургскую змею?

– Отчего бы и нет? План превосходен, и я уверена, что сестра вашего величества это поймет.

– Ты не знаешь Маргариту. – Король вздохнул. – Когда-то мы с ней были близки, но после того, как она вышла замуж и переселилась в Наварру, с ней произошли разительные перемены. Король Наваррский, ее покойный супруг, симпатизировал гугенотам, и сама она стала сторонницей их так называемого дела. – Уголки его рта дернулись; то был первый случай, когда он в моем присутствии открыто упомянул злосчастных протестантов. – Какое-то время она покровительствовала Кальвину, этому антихристу, и ходят слухи, что она даже, помоги нам Господь, воспитала свою дочь в гугенотской вере. – Франциск помедлил. – Здесь, малышка, мне, вполне возможно, пригодится твоя помощь. Я пригласил Жанну погостить у нас; быть может, ты сумеешь убедить ее принять католичество. Вряд ли двенадцатилетней девочке так уж важны различия в вероисповеданиях.

– Почту за честь.

Пожалуй, это поручение, помимо всего прочего, поможет мне самой не оказаться игрушкой политических сил.

Жанна прибыла в Амбуаз месяцем позже – невысокая, худенькая, с типичным для Валуа длинноватым носом и узкими миндалевидными зелеными глазами. Лишь копна рыжих волос да веснушки, брызгами рассеянные по лицу, говорили о том, что в ее жилах течет и отцовская кровь. Она стояла на пороге моих покоев, воинственно вздернув острый подбородок, одетая с ног до головы в черное, что было ей совершенно не к лицу.

– Входи же, дорогая моя. – Я подошла к ней. – Мы безмерно рады тебя видеть.

Жанна в упор воззрилась на мой аналой.

– Не могу, – заявила она высоким, чуть гнусавым голосом, и возмущенно ткнула пальцем в статуэтку, стоявшую на небольшом алтаре. – Это идолопоклонничество.

– Я католичка, – усмехнулась я. – Так предписывает нам молиться наша вера.

– А я реформатка, и наша вера воспрещает нам взирать на языческих кумиров.

– Это не кумир, – живо возразила я, заметив, как напряглась моя золовка Маргарита. – Это Мадонна Ассизская, милосердная покровительница калек и страдающих иными уродствами.

– Это всего лишь статуя. Кальвин говорит, что культ святых и почитание статуй должны быть низвергнуты, ибо не то и не так проповедовал наш Спаситель.

Господи помилуй, да ведь это дитя – закоренелая еретичка! Я вновь усмехнулась, чтобы скрыть охвативший меня ужас – не столько от речей Жанны (я и ожидала услышать нечто подобное), сколько от ее фанатичной убежденности. Чему, во имя Господа, учила Маргарита Наваррская свою дочь? И как мне теперь с этим справиться?

– Мать Христа была простой женщиной из плоти и крови, – продолжала Жанна. – Поклонение ей – не что иное, как наследие старинных языческих обрядов.

– Да как ты смеешь изрыгать такую хулу?! – Маргарита стремительно вскочила.

Жанна прикусила нижнюю губу. Я позволила себе издать неловкий смешок.

– Она лишь повторяет то, чему ее научили, примерно так же, как мы цитируем Брантома, притом сама не понимает и половины сказанного.

– Нет, понимаю! – Жанна недобро прищурилась. – И к тому же мне хорошо известно, зачем меня сюда пригласили. Меня хотят выдать замуж за испанца-паписта, да только я скорее умру! Я – дитя Божие, а вы все – глупцы, преклоняющие колена перед распятием.

Мои фрейлины в один голос ахнули от возмущения, а я стиснула пальцами ее худенькое плечо.

– Довольно! Не будем больше спорить о вере.

С этими словами я подтолкнула Жанну к пустому креслу около моего. Женщины отпрянули, словно опасаясь заразиться ересью. Маргарита метнула на Жанну уничижительный взгляд и вышла.

Я не ожидала от золовки такой набожности; впрочем, Маргарита никогда и не была склонна снисходительно относиться к кальвинистам. Меня сами речи Жанны возмутили гораздо меньше, поскольку я видела, как это дитя упивается произведенным на собеседников эффектом. Тем не менее, терпеливо стараясь склонить Жанну к уступчивости, я получила весьма ценные представления о новой религии, которую большинство католиков ненавидело и страшилось.

К моему изумлению, разобравшись в отклонениях от церковной доктрины, которые позволяли себе гугеноты, я обнаружила, что принципы их веры немногим отличаются от моих собственных. Жанна, однако, фанатично держалась за свое вероисповедание, и я ни на йоту не преуспела в том, чтобы обратить ее в католичество. Впрочем, это было уже не важно: Карл V, получив от своего посла подробное описание Жанны, наотрез отказался даже обсуждать возможность этого брака.

Взбешенный Франциск отослал Жанну в Наварру и погрузился в пучину дурного настроения, которое срывал на всех подряд. Я оказалась на краю пропасти. Помня о нынешнем состоянии Франциска, долго ли придется ждать, пока какой-нибудь вероломный царедворец предложит королю расчистить путь в Милане с помощью нового брака Генриха?

Отсрочка, данная мне, была на исходе. Ничего не оставалось, как только заключить договор с моим личным демоном.

Встреча должна была состояться поздно вечером в моих покоях. Я опасалась, что Диана отклонит мое приглашение или же обставит свой визит с утонченной пышностью, однако она явилась без лишнего шума. Я в нетерпении расхаживала по комнате, репетируя в уме фразы, которые оставляли на языке привкус пепла. И вот дверь распахнулась. На пороге, кутаясь в плащ, стояла Диана. Подняв белую руку, она откинула капюшон и явила моему взору непроницаемое лицо. На ней было темно-синее платье, а белоснежную шею обвивала нитка редчайшего черного жемчуга.

– Признаться, приглашение вашего высочества застало меня врасплох, – промолвила она безупречным тоном искусственной придворной дамы.

– Да неужели? – Улыбка, тронувшая мои губы, походила на блеск клинка. – Не думаю, мадам, что до сих пор вы даже не подозревали о моем существовании.

– Вы правы. – Диана склонила голову. – Приятно для разнообразия столкнуться с такой прямоотой.

– Рада это слышать. В таком случае позвольте мне высказаться еще более прямо: я считаю, что нам пора познакомиться поближе, коли уж вы так близки с моим мужем.

Глаза ее блеснули, и на долю секунды в их глубине проступило нечто темное и бездушное. Оказавшись лицом к лицу с этой ожившей статуей, глядя в ее бесстрастные голубые глаза, я невольно задавалась вопросом: чем могло приворожить Генриха такое холодно-кровное существо?

– Боюсь, ваше высочество ошибается, – проговорила она, тщательно взвешивая каждое слово. – Хотя мне и дарована честь называть его высочество своим другом, заверяю вас, в нашей близости нет ничего, что выходило бы за рамки приличий.

Я внутренне затрепетала от удовлетворения. Чем они с Генрихом ни тешились с глазу на глаз, она явно не стремилась предавать это огласке. Видимо, я переоценила эту женщину. Она далеко не так уверена в своем положении, как пытается показать. Подобно мне, она угодила в ловушку. Она понимала, что, едва только Генрих станет королем, ей придется либо уйти в тень, либо открыто бросить мне вызов.

Я помедлила, но решила пропустить мимо ушей эту уклончивую фразу и приступить прямо к делу.

– Я призвала вас, мадам, поскольку полагаю, что вы способны понять мое беспокойство. Видите ли, я подозреваю, что его величеству вскоре, быть может, не останется иного выхода, как только объявить мой брак недействительным.

– Вы уверены, ваше высочество? – На мраморном виске Дианы запульсировала жилка. – Я слышала, что король относится к вам с величайшей любовью.

– В его любви я не сомневаюсь, – отпарировала я резче, чем намеревалась. – Однако даже королевская благосклонность неспособна излечить меня от проклятия, которое, по мнению многих, меня отягчает. – Я прервалась, припомнив тайну, сгоревшую в том самом камине, возле которого мы сейчас сидели. – Я говорю, мадам, о своей бездетности. Как бы сильно его величество ни любил меня, даже он не сможет заступаться за меня вечно. В конце концов, от меня ждут, что я подарю трону наследника. Если же я так и не сумею это сделать, то для всех заинтересованных лиц, вероятно, будет лучше, если я удалюсь в монастырь, где и надлежит пребывать женщине, обремененной подобным злосчастьем.

Глаза Дианы сузились. Я попала в точку, обнаружив, быть может, единственное уязвимое место этой статуи. Она не может бесконечно долго оттягивать неизбежное наступление старости, а стало быть, у нее в запасе не так уж много времени, чтобы воплотить в жизнь свои честолюбивые стремления. И для этой цели ей нужна я – покорная и уступчивая супруга ее любовника. Новая жена Генриха, вполне вероятно, не согласится отойти в сторону и предоставить ей свободу действий.

– Сожалею, что этот вопрос доставляет такие огорчения вашему высочеству.

Грациозно поднявшись, Диана прошествовала к оконной нише и, усевшись на банкетку, похлопала по подушкам рядом с собой – с таким видом, точно призывала комнатную собачонку. Я покорно уселась рядом; удивительно, но от этой женщины не исходило никакого запаха, словно она и впрямь была из мрамора.

– Уверяю вас, – сказала она, – подобные случаи отнюдь не редки. Я сама обвенчалась с покойным супругом еще в отрочестве, но первое наше дитя сумела выносить только в двадцать с лишним. Иногда женщина созревает для материнства не сразу, а лишь со временем.

Я молчала, сцепив пальцы на коленях.

– Тем не менее, – продолжала Диана, – раз уж речь идет о таком деликатном деле, быть может, ваше высочество окажет мне честь и позволит уладить ваши затруднения?

Мне до смерти захотелось сдвинуть обеими руками ее белоснежное горло... но, по крайней мере, она избавила меня от худшего. От необходимости и дальше унижаться.

– Была бы вам крайне признательна, – выдавила я.

Диана похлопала меня по руке, встала и поплыла к двери. На пороге она остановилась и оглянулась.

– До меня дошли слухи, что ваше высочество прибегает к амулетам, снадобьям и тому подобному. В этом более не будет нужды. Предоставьте дело мне, и я обещаю: в самом скором времени вы подарите Генриху ребенка. Думаю, то будет чудесный день для всех нас.

И она величаво удалилась, оставив меня кипящей от бессильного бешенства, но в то же время охваченной пугающим облегчением.

– Госпожа дофина в тягости!

Весть эта вихрем пронеслась по всему Фонтенбло, и почтенные матроны и вдовы с резвостью, которой не выказывали уже много лет, бросились нашептывать о ней дочерям и невесткам, а те сломя голову побежали в сады, дабы поделиться новостью с мужьями и любовниками.

– Госпожа дофина беременна! Медичи наконец понесла!

Я наблюдала за этой суматохой из окна своей комнаты. Двор уже не первую неделю ликовал оттого, что Генрих еженощно посещает меня в спальне; никто, правда, не знал, что все это организовала Диана. Она заказала особые напитки для укрепления моей крови и его сил и снабдила нас инструкцией с подробным описанием наилучших поз для зачатия. Я забиралась на Генриха верхом и, размеренно двигаясь, доводила его до экстаза; ложилась на спину, задрав ноги, и он проникал в меня. Он овладевал мною сбоку и сзади, стоящей на коленях; мы перепробовали все, что я видела когда-то в запретной книге, украденной Маргаритой из библиотеки отца, и я упивалась всем наслаждением, какое только могла от этого получить, усердствуя в разнузданности ради мужа и его любовницы, ибо она заявила, что только пылкость наших плотских утех может оплодотворить мою утробу.

И всякий раз, когда Генрих глубоко входил в меня и вызывал сладостный крик, я старалась не смотреть в темноту около кровати, где стояла Диана, не сводя с нас глаз, управляя нами с помощью точных, беспощадных, как взмахи косы, движений своих пальцев...

Заподозрив, что наши усилия наконец-то увенчались успехом, я выждала, покуда не миновали первые недели тошноты и дурного самочувствия, а уж потом сообщила о свершившемся. Диана прислала повивальную бабку; та ощупала меня снаружи и изнутри, а затем объявила, что я в тягости и беременность протекает как должно.

Король поспешил ко мне.

– Это правда, дочь моя? – срывающимся голосом спросил он, и я улыбнулась, скрывая отвращение при мысли о том, на что пошла ради этой минуты.

– Да, правда. Я жду ребенка.

– Я знал, что ты оправдаешь мои ожидания! Тебе ни в чем не будет отказа. Только попроси, и получишь все желаемое.

Едва он ушел, явились Генрих и Диана. Я не сводила с нее глаз, а он, неловко поцеловав меня, отступил в сторону и пропустил ее вперед. Диана улыбалась. На корсаже ее красовалась подвеска с огромным бриллиантом, которого я прежде у нее не видела.

– Мы так рады, – проговорила она, и на шею мне опустилось нечто холодное.

Я протянула руку и коснулась нитки черного жемчуга.

Глава 10

Сады за стенами Фонтенбло сковал январский лед и засыпал снег, но здесь, в моих покоях, царил нестерпимый жар, волнами шедший от каминов и раскаленных жаровен.

Схватки начались рано утром, и родильная комната, отделенная от покоев тяжелым занавесом, превратилась в особый мир, где безраздельно властвовали женщины. Скорчившись на стуле с большой дырой в сиденье, я извивалась в приступах боли, не замечая густого запаха собственной крови и мочи.

– Тужьтесь, ваше высочество! – шипела мне на ухо Диана. – Тужьтесь!

Сейчас подам голос, велю ей убираться прочь... но боль обрушилась на меня с такой силой, что, казалось, сейчас расколет пополам.

Я взывала... и внезапно меня охватило ощущение безмерной пустоты. Вязкие потоки вод хлынули из меня, и между бедер появился таз, в который упал послед.

Залитыми липким потом глазами я смотрела на Диану. Она вполголоса совещалась с повитухами. Затем воцарилась напряженная тишина.

Из последних сил я приподнялась, преодолевая боль во всем теле.

– Ребенок... мой ребенок... что с ним?

Диана обернулась. Она держала плачущего младенца, запеленатого в белый бархат.

– Это мальчик, – промурлыкала она и вынырнула из родильной, прижимая к груди моего новорожденного сына, наследника Генриха.

Враз обессилев, я рухнула на подушки. Свершилось. Наконец-то я произвела на свет своего спасителя.

Следующие два года выдались нелегкими. Истощая казну и вызывая народное негодование, мы вели войну, в которой невозможно было победить. Каждый новый налог, шедший на содержание армии, порождал бунты, и отовсюду Франциск получал донесения, что лютеранские проповедники проникают в страну из Нидерландов, подстрекая его подданных искать утешения в протестантской вере. Разоренный, полубольной, он в конце концов подписал мирный договор с Карлом V.

Я между тем ожидала исхода своей второй беременности. После рождения сына, крещенного в честь деда Франциском, Генрих по наущению Дианы так же регулярно посещал мою опочивальню. Наши плотские утехи по-прежнему были лишены истинной любви, но словно открылись створки невидимой плотины – времени, которое мы провели в одной постели, оказалось достаточно, чтобы зачать второе дитя.

Я понимала, что заключила сделку с нечистым, но зато мое будущее теперь не вызывало опасений.

В апреле 1545 года, претерпев всего каких-то три часа схваток, я дала жизнь своей дочери Елизавете. Ее появление на свет разочаровало тех, кто ожидал второго сына, однако сама я ликовала сверх меры и настояла на том, чтобы самой заботиться о дочери в первые месяцы ее жизни.

Елизавета была само совершенство – гладкая кожа Валуа, влажно-черные глаза. Я часами ворковала над ней, суля ей все, чего никогда не знала сама, – уют, безопасность, родителей, которые всегда будут любить ее. И когда она засыпала у меня на руках, я находила в эти минуты подлинное утешение от невзгод, бушевавших во внешнем мире.

Весна вопреки природе выдалась снежной – мело так, что снег погребал под собой целые деревни. Притом же язва, мучившая Франциска еще со времен венчания Мадлен,

вновь открылась. Он проводил дни в постели, а я между тем утеплила комнатку в своих покоях и там устроила обоих малышей.

Впервые за все время мой двухлетний сын оказался в полном моем распоряжении. Маленький Франциск страдал тяжелым воспалением уха и целыми днями кричал от боли, так что нашим врачам пришлось дать ему опий. Диана пользовалась его слабым здоровьем как предлогом, дабы безраздельно заниматься его воспитанием, однако зиму она неизменно проводила в Ане, не желая подвергать свою нежную кожу пагубному воздействию ветра или мороза, и я надеялась за время ее отсутствия привязать сына к себе. Первоначальный мой восторг при виде его каштаново-рыжих кудрей и грациозности маленького фавна омрачило неприятное открытие: сын не знал, кто я такая. Он взирал на меня как на некое недоразумение.

– Я твоя мама, – сказала я, взяв его за подбородок, потом указала на Елизавету, которую держала на руках Лукреция: – А это твоя сестра. Елизавета.

– Дияна! – Франциск сперва вздрогнул, затем недовольно поджал губы. – Хочу к Дияне!

Я не стала слушать его воплей и терпеливо сносила приступы раздражения, потому что он был мой ребенок, мой сын.

Однажды, морозным вечером, когда я сидела с Елизаветой на руках и наблюдала за тем, как Франциск доламывает одну из моих лютен, пришло известие, что король желает меня видеть. Я тотчас пошла в покои свекра. Огонь в большом камине едва теплился, а буфет весь был заставлен тарелками с едой и кубками. Что-то было не так: Франциск никогда прежде не прощал своим слугам расхлябанности.

Затем я учуяла запах.

Король сидел у окна. Черный бархат подчеркивал худобу изможденного лица.

– Генрих Тюдор мертв. – Король поднял на меня глаза, хрустнули печати на документе в его руках, а потом он выронил пергамент на пол. – Скончался три дня назад, сожранный заживо язвой на ноге. Растолстел, как слон, поднимал руку на священников и не моргнув глазом избавлялся от своих жен. Его последней, шестой по счету супруге повезло пережить мужа. – Губы Франциска дрогнули в невеселой усмешке. – Десятилетний сын Генриха был коронован под именем Эдварда Шестого. Англию ждут нелегкие времена: я слышал, что дяди Эдварда по материнской линии уже грызутся между собой за право регентства.

Я преклонила колени, почтя память усопшего монарха, хотя в глубине души полагала, что мир станет гораздо лучше без Генриха VIII, чьи омерзительные выходки уже десять с лишним лет внушали всем отвращение.

– Генриху было пятьдесят пять, – продолжал Франциск. – Он старше меня на три года. Помню, как мы повстречались впервые много лет назад. Он был высок, золотоволос и богат как Крез; перед его обаянием не смогли бы устоять и дьяволы из преисподней. – Он хохотнул. – Старый змей Карл мудрее нас. Он решительно не желает, подобно нам, догнивать на троне. Говорит, что когда станет чересчур слаб и болен, чтобы править, то уйдет в монастырь, а империю разделит между своим братом Фердинандом и сыном Филиппом. Австрию и германские княжества получит Фердинанд, Испания, Новый Свет и Нидерланды достанутся Филиппу. Все спланировано так, чтобы причинить мне как можно больше неприятностей... А впрочем, он наверняка уже слышал, что я тоже долго не заживусь на свете.

– Не говорите так! – Я порывисто шагнула к нему. – Вам нужно отдохнуть и набраться сил, только и всего.

– Ты никогда прежде мне не лгала, к чему же кривить душой сейчас? – Король предостерегающе вскинул руку. – Я умираю. Я это знаю, и ты знаешь. От тебя такое не укроется.

Я отвела взгляд. Теперь, когда я подошла ближе к нему, запах усилился – чудовищное, невыносимое напоминание о неизбежном. Как смогу я жить в мире, где больше не будет этого человека?

– Дочь моя, – проговорил он мягко, – отчего ты отводишь глаза?

– Потому что... потому что мне нестерпимо слышать такое. – Голос мой сорвался. – Вы не умрете.

– Да нет же, умру, причем довольно скоро. – Франциск поцокал языком. – Ну же, перестань плакать. Мне нужно кое-что тебе сказать.

Я утерла слезы и села с ним рядом.

– Генрих станет королем, – начал он, – а ты королевой. Таков закон жизни: когда солнце заходит, восходит луна. Вот только что за луну я оставлю после себя Франции! Подумать только, что из моих сыновей именно тот, кто меньше всего похож на меня, тот, которого я никогда не понимал, унаследует мою корону! Просто не верится!

– Я уверена, что Генрих любит вас. Вы же его отец. Как может он вас не любить?

– Верная Екатерина, неужели ты всегда будешь защищать его? – Франциск тяжело вздохнул. – Понимаю: это твой долг, твоя обязанность как супруги. Однако мне нет никакой нужды изображать то, чего я на самом деле не чувствую. – Он помолчал. – И все же вполне вероятно, что Генрих станет хорошим королем, если рядом будешь ты. Все минувшие годы я наблюдал за тобой: ты никогда не сдаешься и не признаешь поражения. Ты, Екатерина Медичи, обладаешь душой подлинного правителя, и я стыжусь того, что некогда едва не поддался настояниям своего Совета отослать тебя.

– Ваше величество поступили так, как считали наилучшим, – пробормотала я, думая о том, насколько была близка к такому катастрофическому исходу и что совершила, дабы защититься от него. – Если бы вы решили отослать меня, я приняла бы и это.

– Знаю. И еще знаю, что мой сын не заслуживает твоей привязанности. Надеюсь, когда-нибудь он все же докажет, что достоин ее. – Франциск вперил в меня прямой взгляд. – Не допусти, однако, чтобы эта привязанность затуманила твой разум. Берегись его любовницы, этой Мадам Сенешаль. Если ты дашь ей волю, она отберет у тебя все. Она отведет тебе роль породистой кобылицы, а сама будет править Генрихом и всем двором.

То был первый случай, когда Франциск напрямую заговорил о Диане. В его устах ее прозвище прозвучало как грязное ругательство.

– А еще не спускай глаз с его друзей Гизов. Они непременно захотят посредством Генриха заполучить власть. Гизы метят высоко; я бы не удивился, если бы когда-нибудь они пожелали править всей Францией.

С этими словами король повернулся к письменному столу, взял какой-то свиток и вручил мне:

– Вот, это тебе.

Я развернула свиток... и подняла на Франциска безмерно изумленный взгляд.

– Я конфисковал его много лет назад у одного должника. Теперь даже не припомню имени того бедолаги. У меня так и не дошли руки отстроить его, хотя местечко, надо признать, чудесное. Замок стоит на реке Шер, по соседству с садами и старым виноградником. Зовется он Шенонсо. Теперь он принадлежит тебе, поступай с ним как заблагорассудится.

Замок, мой собственный замок, подаренный человеком, которого я полюбила, как родного отца! То, что страшило меня, в этот миг стало ужасной явью. Франциск умирает. Скоро его не станет, и я никогда больше его не увижу. Никогда больше мы не будем смеяться вместе, не поскачем бок о бок на охоту, не поделим наслаждение живописью, музыкой, архитектурой. Он умрет, а я останусь одна, лишенная его защиты.

Думать об этом было так больно, что у меня перехватило дыхание.

– Я этого недостойна, – с трудом прошептала я.

– Нет, достойна. – Франциск обхватил ладонями мое лицо. – Не забывай об этом. Помни меня, Екатерина Медичи, помни вечно. Я не умру, пока буду жить в твоей памяти.

Невозможно было скрыть близость его неизбежной кончины, воспаленные глаза, пугающую худобу. Послали за Генрихом, который как раз отправился на охоту. Я подозревала, что вновь беременна, однако сказать об этом мужу случая не представилось – едва он прибыл, мы вместе отправились в покои Франциска.

Полуживой скелет, лежавший на постели под алым пологом, был неузнаваем, сквозь натянутую кожу явственно проступали кости. Амбруаз Паре, наш придворный врач, знаком велел Генриху подойти. Я осталась стоять у алькова, крепко сжимая руку Маргариты.

Франциск потянулся к сыну, и Генрих замер в нерешительности. Он смотрел на умирающего отца, не в силах сохранять обычную невозмутимость. Они говорили вполголоса, и наконец Генрих, шатаясь, отошел от кровати. Когда он проходил мимо меня, я впервые увидела, какое страшное бремя нес он все эти годы – бремя ненависти к отцу, ненависти, которую он уже никогда не сможет искупить.

– Дочь моя... – Франциск улыбнулся Маргарите.

Глотая слезы, Маргарита взяла его за руку и поцеловала в лоб, а затем вышла из спальни – так стремительно, словно в спину ей дул невидимый ветер. Я осталась одна.

– Малышка, – невнятно прошептал Франциск, – присядь рядом со мной.

Я присела на край кровати, сжала его холодную руку. Глаза его закрылись.

– Ах, как хорошо...

К полуночи он впал в забытие, и мое место у ложа заняли доктор Паре и ближние дворяне короля. Я осталась ждать в смежной комнате; в два часа пополудни меня вырвали из зыбкого полусна их рыдания.

Я медленно вышла в пустынную галерею. Из темноты выступила навстречу знакомая фигура, горестное лицо ее обрамляли растрепанные рыжие волосы. За нею следовали две бледные женщины в черном – последние, кто еще остался из «маленьких разбойниц».

– Он... уже? – Голос мадам д'Этамп дрогнул.

Я кивнула. Она прижала ладони к вискам, и с уст ее сорвался душераздирающий крик. Спутницы повели было ее прочь, но тут она повернулась ко мне и холодными как лед пальцами стиснула мою руку.

– Теперь твоя очередь. Помни все, чему научилась; помни, что, если мужчины могут сражаться друг с другом в открытую, нам надлежит вести свои войны приватно. Твои сражения еще только начинаются, но ты – королева. Без тебя она – ничто.

Я смотрела, как Анна д'Этамп навсегда уходит из моей жизни. Ее блистательная карьера подошла к концу; много лет она властвовала над двором, так безраздельно присвоив любовь короля, что даже его законная супруга, королева Элеонора, не смела и близко подойти к нему. Много лет ее обожали, ненавидели, боялись. Теперь ей предстоит доживать век одной, всецело во власти женщины, которая вскоре займет ее место при дворе. И мне было страшно за нее. Страшно при мысли о том, что может сделать с ней Диана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.